

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Бухвал Любовь Анатольевна

**ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕДАЧИ ОБРАЗА РУССКОГО КРЕСТЬЯНСТВА В
ПЕРЕВОДАХ РАССКАЗОВ А.П. ЧЕХОВА НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК**

Выпускная квалификационная работа
на соискание степени магистра филологии

Научный руководитель: д.ф.н., проф.

Степанов Андрей Дмитриевич

Рецензент: д.ф.н., с.н.с.

Денисенко Сергей Викторович

Санкт-Петербург

2017

СОДЕРЖАНИЕ

Generating Table of Contents for Word Import ...

ВВЕДЕНИЕ

Прошло уже более ста пятидесяти лет со дня рождения Антона Павловича Чехова, но его произведения до сих пор остаются актуальными и понятными современному читателю. А. П. Чехов приобрел мировую известность в первую очередь как драматург: его пьесы с неизменным успехом ставятся во всем мире, представлявая каждый раз в новой трактовке, что говорит о глубине и многообразии чеховских идей. Тем не менее, в своей работе писатель также часто обращался к коротким и средним емким произведениям, таким, как рассказы и повести, выработав особый узнаваемый стиль. Нам представляется интересным обратить внимание именно на эту часть творческого наследия Чехова.

Упомянутая популярность писателя за пределами его родной страны представляется нам важной для развития русской литературы. Поэтому мы обратимся к исследованию факта восприятия творчества русского классика иностранными читателями, в частности, к отражению определенных национально-специфических концептов в переводах на английский язык. Поскольку задача изучения всех аспектов переводов Чехова слишком велика для магистерской диссертации, мы ограничимся только самой сложной для переводчика и в то же время важной для понимания национально-культурной специфики чеховского творчества частью его наследия – произведениями, посвященными крестьянской теме.

Таким образом, данное исследование фокусируется на сравнительно-историческом аспекте передачи образа крестьянства при переводах прозы А. П. Чехова на английский язык. Также во внимание будут приниматься факторы, повлиявшие на формирование «крестьянского» концепта в творчестве писателя и его понимание иностранными переводчиками.

Актуальность нашей работы определяется тем, что самые ранние из множества переводов произведений А. П. Чехова уже могут показаться современному поколению устаревшими, а значит, важно изучить существующие переводы для выявления возможных несоответствий. Наш интерес к передаче национальных реалий из одной культуры в другую обусловлен тем, что в современном мире стремительно развивающаяся глобализация затрагивает все сферы жизни и искусства, включая и литературу. Это побуждает рассматривать социально-культурные явления не только в рамках одной страны, но при помощи межкультурного подхода. Кроме того, поскольку зарубежная публика способна воспринимать творчество русского писателя только через переводы, наша ориентация на пристальный разбор произведенных переводов представляется релевантной.

Объектом исследования является образ русского крестьянства в произведениях А. П. Чехова.

Предметом исследования является перевод лексических средств, используемых для формирования образа русского крестьянства в текстах А. П. Чехова.

Цель работы состоит в определении сложностей, которые могут возникнуть при переводе текстов А. П. Чехова о русском крестьянстве, а также в определении вариантов решений, предложенных переводчиками для выявленных проблем.

Для достижения цели мы определили следующие **задачи**:

- 1) дать обзор научной литературы по интересующей нас теме;
- 2) выделить релевантные для исследования особенности стиля писателя;
- 3) дать краткий обзор истории переводов произведений писателя;
- 4) выявить возможные сложности при переводе, обусловленные стилистическими, культурными и другими факторами;

- 5) определить необходимый инструментарий сравнительного метода исследования;
- 6) провести практическое исследование примеров перевода у разных переводчиков;
- 7) проанализировать полученные данные;
- 8) сформулировать общие выводы.

Для решения поставленных задач используется **сравнительно-исторический метод исследования**, который представляется нам наиболее подходящим в обозначенных рамках исследования.

Теоретико-методологическая основа исследования базируется на работах таких учёных, как А. Н. Веселовский, В. М. Жирмунский, Н. Э. Додонова, В. Л. Паркачева, Л. М. Цилевич, П. М. Топер, М. А. Шерешевская и др.

Эмпирическую базу исследования составили результаты выборки и анализа переводческих примеров, представленных в практической части работы.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в общих и специальных курсах по истории литературы рубежа XIX-XX вв.

Структура дипломной работы объёмом в 82 страницы состоит из введения, трех глав, заключения, списка литературы, а также приложений, дополняющих основной текст.

Глава I. Особенности идиостиля А. П. Чехова

Данная глава носит теоретический характер. В ней рассматриваются основные черты идиостиля А. П. Чехова, а также отдельно уделено внимание произведениям о крестьянах. Прежде всего, необходимо уточнить, что понимается под индивидуальным стилем или идиостилем писателя.

По определению Виноградова, «индивидуальный стиль писателя – это система индивидуально-эстетического использования свойственных данному периоду развития художественной литературы средств словесного выражения»¹. Так, мы видим, что В. В. Виноградов связывает стиль отдельного писателя с общими закономерностями развития художественной литературы, а также подчеркивает, что стиль должен изучаться «в его историческом развитии». В своей работе мы будем ориентироваться именно на это определение, поскольку также используем сравнительно-исторический метод.

Многие исследователи связывают идиостиль с понятием «языковой личности». В частности, Ю. Н. Караулов говорит о языковой личности как «сотканной из противоречий между стабильностью и изменчивостью, устойчивостью мотивационных предрасположений и способностью поддаваться внешним воздействиям и самовоздействию, трансформируя их результаты в перестройке отношений элементов на каждом из уровней – семантическом, когнитивном и мотивационным...»². При данном подходе свойства личности как таковой переносятся на личность языковую.

Кроме того, идиостиль тесно связан с понятием «идиолекта». Так, В. В. Леденева определяет идиостиль, проводя параллель с идиолектом: «Идиостиль – это индивидуально устанавливаемая языковой личностью

¹ Виноградов В. В. О языке художественной литературы. М. : Гослитиздат, 1959. С. 85.

² Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 7-е. М. : Издательство ЛКИ, 2010. С. 38.

система отношений к разнообразным способам авторепрезентации средствами идиолекта»¹. Таким образом, идиолектом можно назвать совокупность речевых особенностей отдельного индивида (явление лингвистическое). Идиостиль же представляет собой внутренние доминанты и константы, формирующий текст определенного автора (явление художественно-литературное).

Далее мы рассмотрим основные черты стиля, присущего творчеству А. П. Чехова в целом (уделяя наибольшее внимание периоду середины 1880-х – 1890-х гг.) и его произведениям о крестьянстве в частности. Получившийся список стилевых особенностей основан на выборке из работ известных филологов-чеховедов. С выявленными особенностями будут соотнесены конкретные примеры перевода в практической части работы.

1.1. Преобладающие черты прозы А. П. Чехова середины 1880 – 1890-х гг.

В этом параграфе будут выявлены характерные особенности идиостиля А. П. Чехова в рамках от 1888-го и до конца 1890-х гг. Данный временной период, традиционно называемый исследователями «зрелым»², определен в соответствии с датами издания выбранных нами произведений крестьянской тематики (начиная со «Степи» 1888 г. до «В овраге» 1900 г.). Стоит отметить, впрочем, что многие из выявленных нами особенностей композиции, повествования и др. могут быть применимы ко всему чеховскому творчеству. Тем не менее, следует помнить, что в рамках исследования мы фокусируемся именно на обозначенных временных пределах, а также только на прозаических произведениях, исключая драму.

¹ Леденева В. В. Идиостиль (к уточнению понятия) // Филологические науки. № 5. 2001. С. 40.

² Поспелов Г. Н. Стиль повестей Чехова // Проблемы литературного стиля. М. : Изд-во МГУ, 1970. С. 283.

Изучая отдельное художественное произведение, можно выделить несколько уровней его организации: языковой, персонажный, событийный и уровень хронотопа¹. В данном случае мы рассматриваем авторский стиль в ряде произведений, но постараемся подойти к нему с точки зрения этих же уровней. Начнем мы с самого обширного уровня – событийного, который включает в себя сюжет, фабулу, все происходящее в произведении «действия».

Одна из особенностей чеховских произведений, часто подвергавшаяся критике среди его современников, - это то, что по сюжету почти ничего не происходит. А. П. Чудаков отмечает: «К числу «чеховских легенд» относится утверждение о **бессобытийности** его поздней прозы. Существует уже большая литература на тему, как в рассказах и повестях Чехова ничего не случается»². Л. В. Карасев признает: «В эпоху, когда автор оценивался по узнаваемости письма, индивидуальности стиля (а эта эпоха не окончилась и сегодня), Чехова можно было узнать, скорее, по отсутствию в его сочинениях какой-либо эстетической оригинальности»³.

На самом деле, события есть: в «Мужиках» показан переезд семьи в деревню, ссоры с родственниками, смерть Николая; «В овраге» автор показывает женитьбу, рождение ребенка, убийство и т. д. Но дело в том, что любые, даже трагические события подаются буднично, без всякой экспрессии: «К вечеру он затосковал, просил, чтобы его положили на пол, просил, чтобы портной не курил, потом затих под тулупом и к утру умер»⁴

¹ Сухих И. Н. Структура и смысл: Теория литературы для всех. СПб : Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. (Культурный код). С. 131.

² Чудаков А. П. Поэтика Чехова / Акад. наук СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М. : Наука, 1971. С. 213.

³ Карасев Л. В. Понять Чехова // Знамя. М., 2015. №8. С. 198.

⁴ Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем в 30 томах. Сочинения в 18 томах. Том 09 (1894-1897) / Ред. тома А. С. Мясников. М. : «Наука», 1977. С. 310.

(«Мужики»); «Никифора свезли в земскую больницу, и к вечеру он умер там. Липа не стала дожидаться, когда за ней приедут, а завернула покойника в одеяльце и понесла домой»¹ («В овраге»). И в большинстве случаев события в художественном мире Чехова ничего не меняют: как была серая жизнь, так она и продолжается. Таким образом, события предстают незначительными, как будто их и не было. В данном случае это свойство не материала, а особого стиля Чехова. Это влияет и на кажущуюся **незавершенность** работы – поток бытия тянется за границы произведения, он непрерывен².

Кроме того, в русской литературной традиции до Чехова каждый из эпизодов, образующих фабулу, был важен для ее развития; фабулу составлял событийный ряд. В художественной системе Чехова свои правила. Значащие эпизоды переплетаются с незначащими, менее важное событие может быть описано гораздо подробнее, чем сюжетобразующие эпизоды. Например, в «Мужиках» приведен юмористический эпизод с гусакон, который занимает большее повествовательное время, чем описание основных событий этой главы. Этот эпизод никак не выделен, так чтобы «затушевать» границу между важными и неважными событиями. Из-за этого «среди недостатков манеры Чехова современная критика издавна числила **немотивированность** многих... фабульных ходов его произведений»³. События, явления, предметы носят **случайностный характер**. Принцип «случайное наряду с главным» Чехов вынес из медицины – «нет болезней вообще, есть конкретные больные»⁴.

¹ Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем в 30 томах. Сочинения в 18 томах. Том 10 (1896-1903) / Ред. тома Н. И. Соколов. М. : «Наука», 1986. С. 172.

² Чудаков А. П. Поэтика Чехова / Акад. наук СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М. : Наука, 1971. С. 227.

³ Там же. С. 208.

⁴ Катаев В. Б. Проза Чехова: проблемы интерпретации. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1979. С. 95.

Путем подчеркивания случайных деталей, создается **подтекст** – система высказываний (персонажей и повествователя), обладающих скрытым смыслом, который обнаруживается в контексте – не только ситуации, но и сюжета в целом. Так, задерживая взгляд читателя на мелких, на первый взгляд неважных деталях, автор образует уровень подтекста. Подтекст становится средством выражения чеховской **объективности** (о которой будет подробно сказано позднее) – к этому приводит отказ, как повествователя, так и героев, выражать свои мысли и чувства¹.

В. Л. Паркачева так говорит о своеобразной художественной системе в прозе Чехова: «...организующим является не парадигматический принцип, который выстраивает в произведении иерархическую модель мира, а синтагматический, вследствие которого элементы художественной структуры предстают в комплексном взаимодействии, образуя нерасторжимое единство противоположностей»². Такая организация текста вызывает некую антиномичность, **двоякость художественного мира** Чехова. Эта особенность чеховской поэтики выделялась многими литературоведами, каждый из которых называл ее по-разному: двойное освещение (А. П. Скафтымов), антиномичность (И. Н. Сухих), амбивалентность чеховского образа (Р. Б. Ахметшин), двуплановость изображения (Л. М. Цилевич, В. М. Маркович).

Перейдем к уровню персонажному. Чехов говорит о человеке, как о чем-то постоянном, однородном и равном самому себе. Здесь стоит упомянуть идею **диалогичности** подхода Чехова к своим героям, ставшую популярной после выхода работ М. М. Бахтина. «На уровне сюжета идеологическую позицию Чехова можно назвать диалогической, здесь «плюсы» и «минусы» уравновешены»³, - пишет И. Н. Сухих. Но нельзя

¹ Усманов Л. Д. Поэтика рассказов и повестей Чехова 1895-1904 г.г. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Ленинград, 1967. С. 7.

² Паркачева В. Л. Проза А. П. Чехова 1888-1904 годов: Проблема парадоксального авторского мышления: автореферат дис. канд. социол. наук: 10.01.01/; Московский гос. ун-т. им. М. В. Ломоносова. М., 2004. С. 14.

³ Сухих И. Н. Проблемы поэтики А. П. Чехова. Л. : Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1987. С. 120.

сказать то же самое о людях, которые эти идеи исповедуют. «Повествовательная дистанция между автором и героем непрерывно меняется, и одна из задач читательской активности заключается в выявлении логики таких пульсирующих изменений»¹. Таким образом, для восприятия героев читателем очень важна постоянная включенность последнего в повествование.

Ю. И. Айхенвальд так отзывался о манере Чехова изображать персонажей: «Нам кажется, что лишних людей Чехова и его самого в конечном основании удручал, безотносительно к особенностям русской жизни, закон вечного повторения. Все в мире уже было, и многое, несмотря на прошедшие века, осталось неизменным: горе и неправда, и в спокойное зеркало вселенной как бы смотрится все та же тоскующая мировая и человеческая душа»².

В дочеховской литературной традиции человек изображался при помощи основных черт своей внешности, предметной обстановки, а также действий. Предполагалось, что герой раскрывался в конфликте с другими персонажами. Для Чехова важнее его **индивидуальность** и психологический рисунок внутреннего мира со всем сочетанием черт. «Характерная особенность чеховской композиции заключается в том, что портрет героя дается не сам по себе, не в отрыве от действия, а в процессе действия или в совокупности с различными другими данными о личности героя»³.

Новаторство Чехова проявляется в реформировании сложившегося в реалистической традиции XIX в. способа изображения человека – характеристики. Состав типических черт героя у Чехова «разбавляется» множеством **незначительных особенностей характера**; вместо

¹ Там же. С. 129.

² Айхенвальд Ю. И. Силуэты русских писателей. М., 1994. С. 332.

³ Николаева В. П. Абзац, его строение, содержание и композиционно-стилистическая роль в рассказах А. П. Чехова. АКД филол. наук / Моск. гос. пед. ин-т им. В.И.Ленина. М., 1965. С. 13.

обстоятельной предыстории о происхождении, семье героя встречаются лишь случайные факты из биографии¹. Поэтому часто герои предстают в неожиданном свете: так, малообразованная, витающая в облаках Ольга из рассказа «Мужики» в конце произносит внутренний монолог, в котором обнаруживает серьезные рассуждения и глубокое сочувствие к опустившимся деревенским мужикам.

Многие исследователи считают, что в прозе Чехова встречаются несколько типов, сформировавшихся в литературе. «Под типом в XIX в. обычно понималось воспроизведение в литературе личности, наиболее характерной для данного общества, данного социально-бытового уклада, объединяющей в себе черты, в такой концентрации в реальности не существующие»². Так, Э. А. Полоцкая пишет: «В известном смысле главные герои зрелого Чехова - это разновидности одного общего социально-психологического типа, к которому художник возвращается из произведения в произведение»³.

Помимо обозначения черт персонажей, важной особенностью является **объективное чеховское повествование**. Объективный стиль Чехова сформировался к 1888-му году. В это время выходит повесть «Степь», в которой писатель действительно применил новые, до этого у него не встречавшиеся техники построения повествования. А. П. Чудаков отмечает, что с 1888 по 1894 гг. объективное повествование у Чехова проявляется в двух видах: оценка в словах персонажа либо схожа с позицией автора, либо, наоборот, расходится с ней⁴. Оба этих типа основываются на широком

¹ Чудаков А. П. Мир Чехова: Возникновение и утверждение. М. : Советский писатель, 1986. С. 306.

² Там же. С. 239.

³ Полоцкая Э. А. Реализм Чехова и русская литература конца XIX - начала XX в. // Развитие реализма в русской литературе: В 3 т. Т. 3. М. 1974. С. 95.

⁴ Чудаков А. П. Поэтика Чехова / Акад. наук СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М. : Наука, 1971. С. 67-68.

употреблении **несобственно-прямой речи** (к примеру, мысли Егорушки в «Степи»).

В поздний период (1895 – 1904 гг.) голос рассказчика выходит в повествовании на первый план. Точка зрения персонажей теперь выражается при помощи косвенной речи или вовсе лишь обозначается в общих чертах безотносительно к их индивидуальному слову: «Ему нашли за тридцать верст от Уклеева девушку Варвару Николаевну из хорошего семейства, уже пожилую, но красивую, видную» («В овраге»). Даже в произведениях от первого лица, каким является «Моя жизнь», изложение ведется в форме литературного языка без установки на чужую речь, и рассказчик представляется чистой условностью. Впрочем, нужно заметить, что в этот период Чехов **несколько отходит от своей объективной манеры**: «повествователь часто демонстрирует собственную оценку происходящего эмоционально окрашенными восклицаниями и вопросами»¹.

На уровне сюжета чеховская объективность выражена **отсутствием положительного героя** – персонажа, который воплощает авторский идеал человека². Напротив, иногда даже отрицательные персонажи произносят реплики, в которых угадывается авторская позиция³.

Для Чехова также важна постоянная **включенность читателя** в повествование. Мир героя и кругозор читателя максимально сближаются. Это приводит к тому, что вопросы, отраженные в произведении, передаются читателю и заставляют его, по аналогии с героем, спросить себя: «Что делать мне? Какое отношение рассказанное имеет к моей жизни?» Так, видимая «нейтральность» чеховского повествования приводит к более острой постановке этических проблем.

¹ Там же. С. 99.

² Цилевич Л. М. Стиль чеховского рассказа. Даугавпилс : Изд-во Даугавпил. пед. ун-та “Saule”, 1994. С. 5.

³ Катаев В. Б. Проза Чехова: проблемы интерпретации. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1979. С. 173.

Перейдем теперь к уровню хронотопа. Термин «хронотоп» был введен в литературоведение М. М. Бахтиным, который определяет его следующим образом: «Существенную взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе, мы будем называть хронотопом»¹.

К понятию хронотопа в исследовании чеховских произведений обращался И. Н. Сухих, который отмечал, что традиционный для русской литературы хронотоп замкнут и однороден: по «деревенскому» принципу «все знают всех»². Действительно, небольшой провинциальный город, деревня или дворянская усадьба – наиболее часто встречающееся место действия в русской прозе. Персонажи, заключенные в такие пространственно-временные рамки, предрасположены к случайным встречам и контактам.

Сходные условия характерны и для чеховской прозы. Тем не менее, у Чехова **мир**, наоборот, **разомкнут и неограничен**. **Персонажи** в нем принципиально **не понимают друг друга**, как, например, мужики-крестьяне – хозяина усадьбы в «Новой даче», или Липа – семью своего мужа («В овраге»). В этом плане показательна повесть-путешествие «Степь»: от перемещения в пространстве ничего не меняется, жизнь идет, как и шла, здесь и сейчас³. В «Степи» нашли отражение многочисленные изображения природы, которые логически связаны с «деревенской» тематикой. Но к ним мы обратимся в следующем параграфе.

К пространству художественного произведения относится перечень предметов, который создает предметный или «вещный» мир⁴. У Чехова он

¹ Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 234.

² Сухих И. Н. Проблемы поэтики А. П. Чехова. Л. : Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1987. С. 133-134.

³ Там же. С. 136.

⁴ Сухих И. Н. Структура и смысл: Теория литературы для всех. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. (Культурный код). С. 154.

строится на **психологически или символически выраженной детали**, а также на случайных деталях, о значении которых мы уже упоминали.

М. М. Бахтин отзывался об упомянутом хронотопе провинциального городка или деревни как о «...месте циклического бытового времени. Здесь нет событий, а есть только повторяющиеся «бывания». Время лишено здесь поступательного исторического хода, оно **движется по узким кругам**: круг дня, круг недели, месяца, круг всей жизни. День никогда не день, год не год, жизнь не жизнь. Из дня в день повторяются те же темы разговоров, те же слова и т.д.»¹.

Следовательно, исторические события в чеховских произведениях в большинстве своем не упоминаются. Но нельзя забывать, что поздние чеховские произведения написаны в конце века, практически на стыке двух эпох, когда в России формировалось буржуазное общество. Безусловно, нельзя путать художественный мир и историческую обстановку, но эпоха, в которую написано произведение, в значительной мере влияет на идеи писателя, а, следовательно, и на пафос произведения.

Мы пропустим языковой уровень, который включает в себя особенности лексики, метафоры, тропы и т. д., поскольку более подробно поговорим о нем в параграфе 2.2, а также в рамках практического исследования, описанного в главе III. Упомянем лишь знаменитую **краткость, лаконичность чеховского языка**, его видимую «простоту», упоминавшуюся нами ранее.

Помимо всех выше обозначенных уровней, мы разберем также **категории комического и драматического** в прозе Чехова, которым уделяет большое внимание В. И. Тюпа. Эстетическая доминанта чеховских произведений колеблется между двумя полюсами: смех и печаль. Ученые представляют разные точки зрения. Л. М. Цилевич в качестве

¹ Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет. М. : Художественная литература, 1975. С. 396.

художественной доминанты чеховского творчества называет юмор¹. З. С. Паперный упоминает сложный – при внешней простоте – сплав смеха и серьезности в произведениях Чехова².

В. И. Тюпа видит корень чеховского комизма и одновременно драматизма в настроении описываемой эпохи, когда социальные ориентиры менялись, и характер человека часто не соответствовал той личности, которая виделась тогдашнему обществу в соответствии с его социальным положением³. Эффект комического возникает из-за столкновения разных представлений о мире, ведь мир Чехова такой пестрый и густонаселенный, что разные чины, речевые манеры и мнения разных групп населения не могут не сопоставляться. Когда сравнивается несопоставимое, рождается комическое. Комическими в основном признаются ранние работы писателя, но юмор не ушел из произведений до конца творческого пути Чехова.

Говоря о чеховском комизме, Тюпа проводит различие между сатирой и сарказмом. Сатира показывает смехотворное несоответствие между личной данностью существования человека и его «сверхличной заданностью». Сарказм же высмеивает «всякую заданность человеческого поведения как мнимо сверхличную»⁴. При таком взгляде на комическое в чеховском произведении отнесение его к сатире маловероятно.

В рамках категории комического можно упомянуть и знаменитую **чеховскую иронию**. В. И. Тюпа называет ее саркастической и сравнивает Чехова в употреблении данного приема с М. Е. Салтыковым-Щедринным⁵. Так, саркастическая ирония выводит на первый план характер, сгущая то личностное, что есть внутри человека. Она же связывает человека с маской,

¹ Цилевич Л. М. Сюжет чеховского рассказа. Рига, 1976. С. 53.

² Паперный З. С. Записные книжки Чехова. М. : Советский писатель, 1976. С. 26.

³ Тюпа В. И. Художественность чеховского рассказа. М. : Высш. школа, 1989. С. 9.

⁴ Там же. С. 10.

⁵ Там же. С. 65.

прикрепляет к определенному месту. В этом проявляется драматизм произведений Чехова: герой разрывается между личностью в общечеловеческом смысле и неприемлемым для персонажа социально-конкретным характером. То, как сам герой чувствует свое предназначение, и как его понимают окружающие, не совпадает, что порождает конфликт. Желание, мечта встречают преграду в виде жизненных обстоятельств, текущей реальности.

Продолжая говорить о драматизме, можно сравнить его с употреблением трагизма или романтики. Тюпа характеризует трагизм как «внутреннее противоречие между жизненными стремлениями личности и признаваемыми ею сверхличными ценностями жизни», в основе драматизма лежит столкновение персонажей с такими силами жизни, которые не имеют для них «сверхличного значения»¹. Чеховские произведения тяготеют скорее ко второму описанию, поскольку его герои не сталкиваются со сложным выбором, включающим в себя долг, честь, как, например, это часто происходит в романах Достоевского. Чеховские характеры противопоставлены обыденному окружению, они страдают от повседневного быта.

Помимо прочего нужно сказать несколько слов о жанровом своеобразии произведений А. П. Чехова. В. И. Тюпа, Г. А. Бялый и И. Н. Сухих отмечают **притчевость** чеховского повествования, а также его родство с **анекдотом**². Объединение жанров притчи и анекдота уже было использовано в русской литературе в «Повестях Белкина» А. С. Пушкина, а также нашло отражение в творчестве Л. Н. Толстого. Эти, казалось бы, противоположные пути отражения действительности, тем не менее, обладают общими чертами: фрагментарность сюжета, неразвернутые характеристики и описания, акцент на деталях, строгая композиция, лаконичность и точность

¹ Там же. С. 10.

² Тюпа В. И. Художественность чеховского рассказа. М. : Высш. школа, 1989. С. 14.

словесного выражения. Все указанные особенности можно отнести и к поэтике чеховских произведений.

Важно отметить, что среди «крестьянских» произведений, вокруг которых строится наше исследование, есть **повести** («В овраге», «Мужики», «Степь») и один **рассказ** («Новая дача»). Помимо крестьянской тематики, наш интерес к малым и средним жанрам чеховского творчества обусловлен также новаторством автора в этой сфере. До Чехова небольшие прозаические произведения мыслились как отдельные части большого целого. Так, В. Г. Белинский называл повесть лишь «главой романа». С приходом А. П. Чехова жанры рассказа и повести получили признание и обрели популярность.

При переводе художественного текста передать индивидуальный стиль автора – самая сложная задача. Ведь идиостиль проявляется в том, какие художественные средства автор выбирает, насколько придерживается устоявшихся литературных традиций и общелитературной нормы языка.

1.2. Образ крестьянства в прозе А. П. Чехова

Образ крестьянства в той мере, в какой он показан у А. П. Чехова, впервые использован Д. В. Григоровичем. В его повестях «Деревня» (1846 г.) и «Антон-горемыка» (1847 г.) крестьянский быт представлен в традициях «натуральной школы». «В этих произведениях – намеренно антиидиллических – впервые в русской литературе закладываются основы жестокого реализма прозы о деревне; в центре повествования – страдания героев, рождающие сострадание автора и читателей»¹. Появляется новый тип сельского героя – приниженого жизнью, оттесненного на периферию социальной структуры, но смирившегося со своим положением.

¹ Большакова А. Ю. Крестьянство в русской литературе XVIII-XX вв.: Пособие для педагогов. М. : Издательство Института социально-педагогических проблем сельской школы РАО, 2004. С. 135.

В творчестве И. С. Тургенева большое значение играет архетип «деревня», к которому писатель обращается в «Записках охотника», «Деревне», «Дворянском гнезде» и др. При помощи образов «родового гнезда», «русской старины», «доброго старого времени»¹ Тургенев изображает сельскую Россию с ее действительными негативными характеристиками, но с неким ностальгическим, патриотическим оттенком.

Наследниками натуральной школы 1840-х годов явились так называемые писатели-«шестидесятники». Крупнейшие прозаики среди них: Г. И. Успенский, Н. В. Успенский, А. И. Левитов, Н. Г. Помяловский, Ф. М. Решетников и др. Помимо романов и повестей эти писатели интересовались документальными жанрами и часто обращались к написанию очерков. Очерки не совсем подходили под критерии натуральной школы, но они способствовали развитию реалистической традиции в литературе, которая повлияла и на А. П. Чехова.

Литература «шестидесятников» впервые в широких масштабах изобразила человеческую толпу. «Шестидесятники» прежде всего стремились показать человека в его внешесоциальных признаках, обозначить его социальную принадлежность². К теме крестьянства они также обращались. К примеру, Ф. М. Решетников в своих произведениях показывает русскую деревню с самой неприглядной стороны, изображая нищету и невежество. Так, деревня предстает не традиционным для русской литературы заветным, безопасным местом, а, напротив, гиблым для человека. Решетников обращается и к народному поиску счастья, которое крестьяне стремятся получить, уходя, например, в бурлачество («Подлиповцы»).

В особой манере обращались к теме крестьянства участники народнического движения. Будни, невзгоды и страдания крестьянской массы

¹ Там же. С. 150-151.

² Чудаков А. П. Мир Чехова: Возникновение и утверждение. М. : Советский писатель, 1986. С. 243.

составляли основное содержание революционно-демократических произведений народников. Новизна жизненного материала и необычность средств его изображения придавали народнической литературе своеобразный характер, из-за чего она часто обвинялась в недостатке художественности и принадлежности скорее к публицистике¹. Н. И. Наумов, П. В. Засодимский, Н. Н. Златовратский, А. И. Эртель и другие писатели-народники преодолели известную одноплановость изображения крестьян в русской литературе: в их произведениях появляются не только смиренные крестьяне, похожие на Платона Каратаева, но и крестьяне-протестанты, народные заступники (например, Дмитрий Кряжев в романе Засодимского «Хроника села Смурина» или Иван Николаич в «Юровой» Наумова).

А. П. Чехов обращается к теме крестьянства в условиях крушения движения народничества, которое повлекло за собой поиски новых способов борьбы за улучшение народного положения и освобождение личности.

Творчество Чехова приходится на период после отмены крепостного права в 1861 г. и, помимо традиционно изображаемых крестьянского невежества и бедности, затрагивает также мотивы растерянности целого класса после произошедших перемен в положении. И. А. Гурвич так описывает время 1880-х гг.: «Для прогрессивного общественного сознания эпохи, в которую жил и творил Чехов, показательное настроение острой неудовлетворенности, отрицательная оценка реформ и их последствий»².

С 1880 по 1904 гг. Чеховым написаны более ста произведений, отражающих жизнь русского крестьянства³. Среди них «Горе», «Тоска»,

¹ Спасибенко А. П. Своеобразие языка и стиля народнической литературы. Изд-во Чувашского гос. Университета : Чебоксары, 1972. С. 8-9.

² Гурвич И. А. Проза Чехова (человек и действительность). М. : Художественная литература, 1970. С. 18.

³ Торговец З. В. Тема крестьянства в творчестве А. П. Чехова. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Изд-во Днепропетровского государственного университета : Кировоград, 1962. С. 4.

«Бабые царство», «Жена», «Дом с мезонином», «Моя жизнь» и др. Многие рассказы и повести Чехова, особенно в 1890-е годы, объединены стремлением понять роль крестьянства в истории, осознать его будущее в тесной связи с теми социальными и психологическими процессами, которые были характерны для народной жизни данного периода.

Чехов показывает, как по-разному сложилась судьба у бывших крепостных. Некоторые стали кулаками, лавочниками, купцами («Добродетельный кабатчик», «Осенью»), некоторые пошли «на заработки» («На плоту», «Тоска», «Ванька», «Спать хочется»), кто-то обнищал настолько, что стал бродяжничать («На большой дороге», «Мечты»), кто-то нарушил закон («Злоумышленник», «В суде», «Ты и вы», «Убийство»), кто-то потерял всякое желание работать («Мертвое тело», «Агафья», «Егерь», «Бабы»). «Трудно перечислить все разнообразие положений, в которых показывает Чехов эту массу людей, выбившихся из прежних тяжелых, но привычных отношений»¹.

В изображении образа крестьян Чехов остается верным своим основным художественным принципам. Так, в его творчестве начала и середины 80-х гг. нет групповых портретов крестьянства. Чехов не откликается прямо на те проблемы, которым так много внимания уделяли народники: столкновение крестьян с помещиками и властями, деревенские сходы, земледельческий труд. Чехова больше интересуют индивидуальные черты крестьян – то, что приблизит их к остальным людям, к читателю, а не отдалит.

Характеры чеховских мужиков многогранны, сложны. У Чехова они разнообразны по социальному положению, условиям жизни, профессии и психологическому портрету. Они так же, как и любые другие люди способны стремиться к любви («Барыня», «Горе») и творчеству («Художество»).

¹ Там же. С. 8

Продолжая традиции писателей-разночинцев, Чехов сказал свое слово о положении, о настроениях, о социальной психологии населения деревни. К тому же, писатель пошел по пути резко противоположному идеализации деревни.

Впрочем, есть в творчестве Чехова и произведения, где его подход к описанию крестьянства носит скорее абстрактно-этический характер, он лишен четкой социальной характеристики («Темнота», «Казак», «Происшествие», «Встреча»).

В 1880-х гг. Чехов часто обращается к теме счастья и пассивной надежды на будущее («Свирель», «Мечты», «Счастье»).

Тем не менее, исследователи признают произведения последнего периода чеховского творчества конца 1890-х – начала 1900-х гг. (время, когда талант писателя достиг наивысшего расцвета), особенно «Мужики», «Новая дача», «В овраге», высшим достижением Чехова в художественной разработке крестьянской темы¹. Чехов создает образ массы бедных крестьян и обнажает связи героев со своей средой, подчиняя этой цели и композицию, и систему художественных средств.

В связи с этим, для нашего исследования передачи образа крестьянства в переводах мы выбрали произведения, в которых этот образ выражен наиболее ярко – «Мужики», «Новая дача», «В овраге». Мы добавили к этому ряду произведений повесть «Степь», поскольку она также считается одним из самых удачных произведений писателя, настоящим прорывом в развитии чеховского стиля, и, кроме того, прямо затрагивает тему крестьянства, как и остальные три текста. В данном параграфе мы обратимся непосредственно к этим произведениям и постараемся разобрать их подробнее.

В 1888-м году А. П. Чехов публикует повесть «Степь». Этот дебют в толстом журнале, а конкретно в «Северном вестнике», знаменует собой

¹ Там же. С. 15.

перелом в творчестве писателя – переход от юмористических рассказов к более серьезным произведениям и новым формам повествования. Именно в это время Чехов обращается к своему главному художественному принципу – принципу объективности.

Одна из основных тем повести лежит на поверхности – это природа или даже по современным меркам экология. В «Степи» присутствует несколько поэтичных описаний природы. У Чехова образ природы перекликается с образом родины, его пейзажи очень патриотичны. И. Н. Сухих отмечает, что пейзажи чеховской «Степи» являются самостоятельным предметом изображения и лирической рефлексии повествователя. «В повести параллельно текут, сложно соотносясь и пересекаясь, образуя своеобразный контрапункт, две сюжетные линии, жизнь природы и жизнь человека. В этом и была, вероятно, прежде всего, оригинальность, которую создавал и сам писатель: пейзаж, который обычно занимал в литературе подчиненное место, стал здесь самостоятельным сюжетом, жизнь природы - предметом специального интереса»¹.

Традицию степных пейзажей Чехов, по его собственным словам, продолжает вслед за Н. В. Гоголем: «Я знаю, Гоголь на том свете на меня рассердится. В нашей литературе он степной царь. Я залез в его владения с добрыми намерениями, но наерундил немало», - писал Чехов Григоровичу после окончания повести². Гоголевское влияние чувствуется и в сцене ужина вокруг костра со страшными историями – похожий эпизод можно встретить в повести «Вий». Степной материал отражен и в других произведениях Чехова: «Двадцать девятое июня», «Казак», «На пути» и др.

Образ крестьянства в повести воплощают мужики, с которыми главный герой, мальчик Егорушка, несколько дней путешествовал на обозе. Среди них

¹ Сухих И. Н. Проблемы поэтики А. П. Чехова. Л. : Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1987. С. 73.

² Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем в 30 томах. Письма в 12 томах. Том 20(02). / Ред. тома Л. Д. Опульская. М. : «Наука», 1975. С. 190.

люди с разными характерами и непростой судьбой. Они составляют любопытный контраст с остальными персонажами. Купцы думают только о наживе, о своих делах. Компания мужиков, идущих с обозом, напротив, живет «привольно», дружно. Есть у них что-то общее только с таким же добродушным отцом Христофором.

Жизнь мужиков, идущих с обозом, трудна и скучна, но характеры разнообразны, и каждый по-своему интересен. Глупость и мудрость, доброта и злость, смирение и порыв к воле – все это создает коллективный портрет представленных мужиков, который может быть изображением всего крестьянского народа. Картины степной жизни при всей их конкретности воспринимаются как поэтический символ народной жизни.

Все эти впечатления проходят через призму Егорушкиного восприятия, из чего он делает вывод: «...скучно и неудобно быть мужиком!» (Т 7, 91). Точка зрения Егорушки проходит через все конструктивные элементы произведения: описание природы, интерьера, изображение персонажей, диалоги. Речь в повести принадлежит повествователю, но композиционно оформлена точкой зрения Егорушки¹.

В повести «Мужики» 1897-го года быт деревни Жуково описан во всех подробностях, без прикрас, и такая жизнь производит очень тягостное впечатление: «Печь покосилась, бревна в стенах лежали криво, и казалось, что изба сию минуту развалится. В переднем углу, возле икон, были наклеены бутылочные ярлыки и обрывки газетной бумаги – это вместо картин. Бедность, бедность!» (Т 9, 281). Пришедшие из Москвы к семье больной Николай с женой Ольгой и дочерью Сашей потрясены окружающей обстановкой и местными нравами. Город здесь встречается с деревней, и

¹ Чудаков А. П. Поэтика Чехова / Акад. наук СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М. : Наука, 1971. С. 108.

семья «напрасно воображала найти в деревне опору своему существованию, пошатнувшись в городе»¹.

Однако, помимо нужды, голода и грязи, поражает постоянная жестокость, невежество, злоба крестьян. К тому же все эти качества уже кажутся им настолько естественными, что в голову не приходит вести себя по-другому. Здесь и побитая кошка, и бранные слова, и равнодушие к беде других (эпизод с пожаром), и страшное пьянство всех мужиков.

«О чеховской мужицкой эпосе писали как об исследовании быта, уклада, крестьянского миропорядка. Это верно, но это лишь одна сторона. Вместе с тем «Мужики»... исследование души обездоленного и униженного человека: крестьян, официанта, горничной...»². Здесь можно добавить также – униженного положения русской крестьянской женщины. Действительно, А. П. Чехов уделяет ему внимание, описывая жизнь Марьи и Феклы. Так, Кирьяк, муж Марьи, плохо с ней обращается, не помогает в быту и т. д. Марья постоянно боится и чувствует себя одной на целом свете. Когда уходит Ольга, с ней исчезает последняя радость в жизни Марьи.

Несколько раз в повести вспоминаются времена, когда существовало крепостное право. Старики уверяют, что тогда жилось веселее: «При господах лучше было. И работаешь, и ешь, и спишь, все своим чередом. В обед щи тебе и каша, в ужин тоже щи и каша... И строгости было больше. Всякий себя помнил» (Т 9, 299). С такой нежностью вспоминается крестьянами «неволя». И хотя старикам, скорее всего, только кажется, что раньше жилось легче («Русский человек любит вспоминать, но не любит жить», - говорится в «Степи» (Т 7, 64)), они рассказывают, как их господа устраивали охоты, распорядились имением. В этой интересной жизни невольно участвовали и крепостные, ведь они были неотъемлемой частью

¹ Пospelов Г. Н. Стиль повестей Чехова // Проблемы литературного стиля. М. : Изд-во МГУ, 1970. С. 307.

² Паперный З. С. Записные книжки Чехова. М. : Советский писатель, 1976. С. 155.

поместья. Барин распоряжался их судьбой, был за них в ответе. Сейчас же крестьяне предоставлены самим себе. Помощи ждать неоткуда, а зла они себе наносят не меньше, чем когда-то их господа. Не в силах обвинить самих себя, они винят во всем земство, не понимая толком, что оно значит.

Образ массы вырастает в «Мужиках» из сплетения частных сюжетных линий, каждая из которых связана с судьбой одного из Чикильдеевых. В таком сопоставлении разных судеб создается коллективный образ крестьянства. Противоречия в настроениях жуковцев раскрываются в речи героев и особенно в деталях поведения, в проявлении их чувств. Фразы, жесты образуют характер, а все характеры в совокупности изображают крестьянскую жизнь.

Рассказ «Новая дача» (1898 г.) демонстрирует характерное для чеховского творчества непонимание персонажами друг друга. Инженер Кучеров с женой, купившие усадьбу в деревне Обручаново, стараются быть дружелюбными по отношению к местным крестьянам, но сталкиваются с неприязнью с их стороны. Персонажам сложно поставить себя на место другого, ведь речь идет о разных социальных классах. Кузнец Родион сочувствует инженеру и его жене, но, в свою очередь, неправильно истолковывает или не понимает то, что они говорят.

В «Новой даче» по словам Гурвича: «Деревня у Чехова выступает против имения без повода и вопреки здравому смыслу. Нам, безусловно, понятно, что глухая, упрямая неприязнь уходит корнями в психологию, сформировавшуюся в условиях социального неравенства и социальной несправедливости. Опыт учит крестьянина видеть в барине своего всегдашнего врага и не доверять ему даже тогда, когда он заявляет о своих добрых намерениях»¹. Однако, Чехов до конца не оправдывает такое недоверие.

¹ Гурвич И. А. Проза Чехова (человек и действительность). М. : Художественная литература, 1970. С. 25.

Таким образом, в рассказе прослеживается идея о том, что хотя крестьяне освободились от крепостничества, им сложно осознать значение этой перемены, конкретную выгоду, которую они должны были получить. Они кричат: «Крепостных теперь нету!», «Акт составить!», хотя сами мало понимают значение этих фраз, к тому же, никто их не притесняет.

Здесь нет такой «страшной дикости крестьянской жизни»¹, которая отражена в «Мужиках», и все же жизнь трудная. Об этом говорит и Родион: «Бедность! Заботы много, работаем – конца-краю не видать... Неладно живем, что говорить» (Т 10, 121). Тем более нелепо упрямство мужиков против Кучеровых.

Такое бессмысленное поведение деревенского населения для Чехова – «одно из проявлений всеобщей путаницы жизни»². Так, и рассказ заканчивается печальным парадоксом – нового хозяина усадьбы крестьяне уважают, хотя он не выказывает к ним никакого дружелюбия.

Повесть «В овраге» 1900-го года несколько выбивается из общего ряда, поскольку в ней показана семья мещан, которые официально относились к городскому сословию и представляли собой мелких торговцев. Старик Цыбукин с женой и двумя сыновьями жил хорошо, в чистоте, богато и любил это показать. «Он ненавидел мужиков и брезговал ими» (Т 10, 147). Его сын Анисим придерживается такого же мнения: «Нешто мужик понимает соус» (Т 10, 151). Новая жена старика Варвара, напротив, подавала щедрую милостыню нищим, странникам и богомолкам.

Крестьянские персонажи в повести противопоставлены зажиточной мещанской семье. Но, в отличие от «Мужиков» и «Новой дачи», где крестьяне показаны невежественными и злыми, здесь они предстают более душевными, честными по сравнению с Цыбукиными, у которых весь

¹ Катаев В. Б. Проза Чехова: проблемы интерпретации. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1979. С. 159.

² Гурвич И. А. Проза Чехова (человек и действительность). – М. : Художественная литература, 1970. С. 26.

«бизнес» построен на обмане покупателей. Так, Липа, бедная девушка, занимавшаяся вместе с матерью поденной работой, выходит замуж за Анисима Цыбукина, но чувствует, что она в семье лишняя, что ей здесь не место.

В целом, место действия – село Уклеево – сравнивается с оврагом, ямой, как «дно жизни».

Липе повстречались два крестьянина, один из которых, уже старик, обошел всю Россию. Он философски успокаивает Липу: «Жизнь долгая – будет еще и хорошего, и дурного» (Т 10, 175). Еще один крестьянский образ – старик Елизаров, работающий подрядчиком. Он также по-доброму относится к Липе, и, в принципе, ко всем.

Повесть «В овраге» представляет резкие социальные, этические и эстетические контрасты, особенно это проявляется в противопоставлении Липы и Аксиньи. Липа жалостливая, скромная, открытая. Аксинья же горделивая, расчетливая. Характер последней напоминает Феклу из «Мужиков».

Что объединяет образы крестьянства, показанные во всех этих произведениях? Крестьяне наделены «типичными» достоинствами и недостатками своего класса. Мы видим здесь и бедность, и недоверие к переменам, и набожность.

Православие всегда играло огромную роль на Руси, носителем его исконно считался простой русский народ. Исследователи спорят насчет религиозности самого А. П. Чехова, но его персонажи-крестьяне исполняют религиозные обряды скорее чисто механически, как нечто давно привычное: Родион, каждый раз приходя домой, молится, потом снимает обувь и только после садится; в «Мужиках» «мало кто верил, мало кто понимал» (Т 9, 306), но по привычке любили Евангелие и просили заступничества у Девы

Марии. Тем интереснее будет проследить в следующих главах, как эту особенность передают при переводе.

Идее довольства, счастья отведена важная роль в крестьянских произведениях. Ведь русские крестьяне в подавляющем большинстве показаны несчастными. «Все счастье богатым досталось» (Т 10, 121), - говорит Степанида в «Новой даче». В «Мужиках» это утверждение подтверждается: «И, вероятно, какая была бы прекрасная жизнь на этом свете, если бы не нужда, ужасная, безысходная нужда, от которой нигде не спрячешься!» (Т 9, 287) Тем не менее, во всех произведениях встречаются герои, находящие в жизни умиротворение, несмотря на тяжелые условия. Таковы Ольга в «Мужиках» и Пантелей в «Степи».

У А. П. Чехова есть рассказ «Счастье». В нем личное счастье предстает неотделимым от счастья народного: только с улучшением тяжелого, несправедливого положения народа можно надеяться на светлое будущее. Пожалуй, эту идею можно применить и к объяснению произведений крестьянской тематики.

Чехов видел бездну, отделяющую интеллигенцию от народа, и лучше многих знал тяготы народного положения, а также понимал тайны народного мышления, народной мудрости и народной культуры¹. В этом состояло мастерство Чехова – передать настроение эпохи, описать многомиллионный социальный класс лаконично и доступно.

В следующей главе мы обратимся к тому, как были приняты чеховские стремления в англоязычном литературном мире.

¹ Катаев В. Б. Проза Чехова: проблемы интерпретации. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1979. С. 62.

Глава II. Проза А. П. Чехова в англоязычном литературном мире

Данная глава носит теоретический характер. В ней мы проследим, как протекало знакомство с произведениями А. П. Чехова в англоязычной культуре, как их воспринимали критики и исследователи, какое влияние оказало чеховское творчество на англоязычных писателей. Данная информация важна для изучения восприятия иностранной публикой произведений в целом и образа крестьянства в частности. В первую очередь мы будем ориентироваться на Великобританию (Англию), но также обратим внимание и на США. Как и в предыдущих главах для нас важна история прозаических произведений; драматические тексты писателя будут лишь упоминаться.

Во втором параграфе мы обратимся к художественной речи в чеховских произведениях в аспекте переводов на английский язык и рассмотрим наиболее часто встречающиеся сложности, с которыми сталкивались и сталкиваются переводчики чеховской малой и средней прозы. Мы постараемся выявить проблемы, которые возникают при передаче специфической лексики, участвующей в формировании образа крестьянства. Полученная информация будет использована в практической части исследования, где мы разберем передачу образа крестьянства на конкретных примерах.

2.1. История переводов произведений А. П. Чехова на английский язык

Обширные обзоры критики и переводов чеховских произведений представлены М. А. Шерешевской в рамках серии «Литературное наследство» (т. 100 и 68). В данном параграфе мы в большей степени будем опираться на эти обзоры.

Впервые имя Чехова появляется на страницах англоязычной печати в 1889 г. Тогда в английском еженедельнике «Атенеум» приводилась краткая характеристика творчества писателя, в которой он представал «приятным» автором психологических этюдов, «чьи герои представляют собой невероятную смесь разноречивых качеств, что приводит читателя в недоумение»¹. До начала XX в. было издано всего несколько чеховских рассказов. В 1891 г. на страницах нью-йоркского журнала “Short Stories. A Magazine of Fact and Fantasy” появился рассказ «Дома». Его перевела Изабел Ф. Хепгуд, уже зарекомендовавшая себя переводами Л. Н. Толстого.

Внимание на русского писателя обратили после публикации сборников рассказов «Черный монах» (1903 г.) и «Поцелуй» (1908 г.) в переводе Р. Е. К. Лонга. В Англии в то время малая проза считалась трудно продаваемым товаром и не была популярна у публики. Правда, в ходу была приключенческая новелла-анекдот. В таком жанре писали Р. Л. Стивенсон, Р. Киплинг, А. Конан-Дойль, Дж. Конрад и др. Что касается русской литературы, популярностью пользовались романы Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского.

На этом литературном фоне рассказы Чехова были восприняты публикой, как нечто необычное. «Мы даже не уверены, можно ли назвать рассказом этот расплывчатый и незавершенный отрывок, - пишет Вирджиния Вульф о рассказе Чехова «Гусев», - ведь нас всегда учили, что неотъемлемым признаком рассказа является краткость и завершенность»². Читателей привлекло описание обычных, повседневных событий; тонкий психологизм; а также отсутствие (особенно по сравнению с Л. Н. Толстым) четкого выражения авторской позиции.

¹ Цит. по: Шерешевская М. А. Переводы (Раздел «Чехов в Англии») // Литературное наследство – Том 100: Чехов и мировая литература. Кн. 1; [Отв. ред. Л. М. Розенблюм]. М. : «НАУКА», 1997. С. 369.

² Цит. по: Шерешевская М. А. Английские писатели и критики о Чехове // Литературное наследство – Том 68: Чехов; [Гл. ред. В. В. Виноградов]. М. : Издательство АН СССР, 1960. С. 822.

Романист и новеллист Арнольд Беннет утверждал, что Чехов разрушил известные в то время представления о новелле и повести¹. Чехова называли создателем новой модели рассказа – «антиновеллы», пришедшей на смену так называемому «короткому рассказу» (short story)².

В годы первой мировой войны и после Октябрьской революции в Англии возрастает интерес к русской культуре и к Чехову в частности. Возникает мода на Чехова, даже своеобразный культ среди художественной интеллигенции. В 1916-1922 гг. ежегодно выпускаются новые тома прозы и пьес Чехова, переводятся письма, воспоминания, в художественных салонах обсуждаются жизнь и личность автора. В печати встречаются выражения «чеховская тоска», «подтекст», «безнадежность», «случайность»³. Уже в 1926 г. А. П. Чехова начали рекомендовать начинающим писателям в качестве образца, к примеру, в руководстве по написанию рассказов американки Фрэнсис Мелвил Перри⁴.

В исследованиях большое внимание уделяли форме и стилю чеховских произведений, хотя очень мало работ затрагивали чеховский юмор. Возможно, потому что его ранние произведения изначально мало переводились, а возможно, потому что юмор – специфическая национальная реалья, сложная для передачи и исследования. Напротив, часто говорили, что произведения Чехова полны пессимизма, разочарований. Во многом это мнение породила творческая группа «Блумсбери», главой которой была

¹ Там же. С. 807.

² Пучкова Г. А. Мастерство Чехова-прозаика в оценке английских критиков и писателей начала XX века // Стиль прозы Чехова; [Отв. ред. Л. М.Цилевич]. Даугавпилс : Даугавп. пед. ун-т, 1993. С. 109.

³ Там же. С. 111.

⁴ Ле Флеминг С. Страницы о Чехове в английских исследованиях по истории и теории литературы / Перевод с английского Светланы Ле Флеминг под ред. М. А. Шерешевской // Литературное наследство – Том 100: Чехов и мировая литература. Кн. 1; [Отв. ред. Л. М. Розенблюм]. М. : «НАУКА», 1997. С. 456.

Вирджиния Вульф¹. Переводчица Мэриан Фелл так трактовала «трагедию», описанную Чеховым: «В эти хмурые годы в глухих деревнях прозябало крестьянство, поработанное нуждой и непосильным трудом, а в застойных провинциальных городишках – образованные классы, поработанные бездельем и скукой»².

Одной из самых подробных монографий о жизни, творчестве и стилистических нюансах Чехова первой трети XX в. стала «Антон Чехов. Критическое исследование» (1923 г.) Уильяма Джерхарди. Чехов, согласно Джерхарди, наделен гениальной интуицией в передаче подвижной изменчивой жизни души. Он воплотил через нее обновленную философию жизни и даже саму изменчивую жизнь³.

Популярность А. П. Чехова можно объяснить тем, что английская интеллигенция, уставшая от войн и политики, в творчестве Чехова нашла отражение идеалов самопожертвования, искренности, чистоты души и внимания к простым, бедным людям. В его произведениях не было аморализма и эгоизма «сверхчеловека» - популярных в то время концепций, отраженных в учениях Ф. Ницше и З. Фрейда. Именно гуманистические принципы о ценности духовного мира человека так привлекли публику.

После окончания Второй мировой войны интерес к русской и советской культуре вновь повысился. В университетах открывались новые кафедры славистики, значительное количество исследований было посвящено русской литературе. Этот период отмечен большим количеством постановок пьес Чехова в театрах, а также более глубокими исследованиями чеховского творчества. Так, американский литературовед Эдмунд Уилсон настаивает, что при рассмотрении чеховских произведений, необходимо принимать во

¹ Шерешевская М. А. Английские писатели и критики о Чехове // Литературное наследство – Том 68: Чехов; [Гл. ред. В. В. Виноградов]. М. : Издательство АН СССР, 1960. С. 821.

² Цит. по: Шерешевская М. А. Переводы (Раздел «Чехов в Англии») // Литературное наследство – Том 100: Чехов и мировая литература. Кн. 1; [Отв. ред. Л. М. Розенблюм]. М. : «НАУКА», 1997. С. 373.

³ Там же. С. 820.

внимание хронологию и особенности их написания, тогда вырисовывается точная картина жизни русского общества конца девятнадцатого века¹.

Сходные мысли высказаны в книге У. Х. Брэфорда «Чехов и его Россия. Социологическое исследование», вышедшая в 1947 г. в Лондоне. Брэфорд стремился к развенчанию мифа о преобладании пессимизма в произведениях Чехова и рассматривал его творчество в социальном аспекте, опираясь на такие характерные реалии, как крестьянство, церковь, помещики, православные духовные ценности и др.

В 1957 г. Брэфорд выпустил очерк о творчестве писателя «Антон Чехов», в котором разделил все рассказы зрелого периода (1888-1904 гг.) на социальные и психологические. К социальным были отнесены все произведения о крестьянстве, «Палата №6», «Огни», «Пари», «Княгиня», а также произведения «о русском капитализме», включая повесть «Три года». К «психологической новелле» были отнесены «Именины», «Припадок», «Скучная история», «Дуэль». Согласно Брэфорду, произведения первого типа характеризуются интересом к целой социальной группе, а второго типа – интересом к отдельной личности².

Другие авторы критических работ – У. Брафорд, Р. Хингли, Д. Магаршак – изучали чеховское творчество как часть развития русского реализма³. Рональд Хингли, автор книги «Чехов. Исследование жизни и творчества» (1950 г.), уделил внимание становлению Чехова как личности, признал его наивысшей заслугой новаторство в новелле (таким образом ставя драму на второе место в его творчестве), а также указывал на музыкальность

¹ Цит. по: Виннер Т. Чехов в Соединенных Штатах Америки / Перевод с английского Т. М. Литвиновой // Литературное наследство – Том 68: Чехов; [Гл. ред. В. В. Виноградов]. М. : Издательство АН СССР, 1960. С. 791.

² Там же. С. 419.

³ Шерешевская М. А. Английские писатели и критики о Чехове // Литературное наследство – Том 68: Чехов; [Гл. ред. В. В. Виноградов]. М. : Издательство АН СССР, 1960. С. 803.

и емкость языка чеховской прозы. Впоследствии Р. Хингли вернулся к биографии Чехова в 1976 г., выпустив книгу «Новое жизнеописание Чехова».

Заметными стали критические работы литературоведа и переводчика Дэвида Магаршака «Чехов-драматург» и «Чехов. Жизнь», вышедшие в 1951 и 1952 гг. соответственно.

В 1956 г. в США вышел сборник под редакцией литературоведа Эдмунда Уилсона «“Мужики” и другие рассказы», который оставался образцом для американской публики более десятилетия. Помимо прочих, в сборник входят рассказы крестьянской тематики: «Моя жизнь», «Мужики», «Новая дача», «В овраге». Уилсон делает вывод о том, что «Чехов, предки которого были крепостными вплоть до реформы 1861 года, хорошо знавший жизнь низших классов, намеренно шел вразрез с идеализацией крестьянства у Толстого и крестьянской идиллией у Тургенева, а также (как, например, в рассказах, связанных с религией) противопоставлял святым Достоевского нечто более земное и прозаическое. В общем, это – картина феодального общества, пытающегося догнать современность, но находящегося еще где-то на пол пути»¹.

В 1960 г. исполнилось сто лет со дня рождения А. П. Чехова. В 1960-х гг. выходят две серьезные и обширные монографии американских исследователей. В 1962 г. в Бостоне издается «Чехов. Биография» Э. Дж. Симмонса, а в 1966 г. «Чехов и его проза» Томаса Виннера. По аналогии с У. Брэффордом, Т. Виннер разделяет поздние произведения Чехова в соответствии с затронутыми темами. Среди них исследователь выделяет и социальную тему «крестьянство».

В 1975 г. вышла книга Дональда Рейфилда «Чехов. Эволюция художественного метода», в которой Рейфилд так же, как и Р. Хингли ставит прозу на первое место по значению в чеховском творчестве. Д. Рейфилд

¹ Цит. по: Максвелл Д. Проза Чехова в США (1960 – начало 1980-х гг.) / Перевод с английского Е. Е. Палиевской // Литературное наследие – Том 100: Чехов и мировая литература. Кн. 2; [Отв. ред. Л. М. Розенблюм]. М. : ИМЛИ РАН, 2005. С. 663.

связывает поздние произведения Чехова с влиянием мелиховского опыта, особенно – обращение к социальной теме, в частности, крестьянству. Здесь Рейфилд противопоставляет А. П. Чехова Л. Н. Толстому: «Чеховские мужики – люди, загубленные пьянством, к которым любой подьячий относится хуже, чем к скоту, - вот, что осталось от «естественного человека». В них нет ничего от нравственного величия толстовского крестьянина, ни грана той поэзии, которой были овеяны крестьяне чеховской «Степи» или, скажем, «Счастья» (1887 г.), лелеявшие мечту найти схороненное сокровище»¹.

Получила развитие тема сравнения А. П. Чехова с Л. Н. Толстым, которую затрагивали Д. Рейфилд, Р. Хингли и Д. Магаршак. Вновь к этому вопросу обращаются М. Шоттон, Л. Спирз. Последний в произведениях «Мужики» и «В овраге» видит «непосредственные переклички с Толстым»².

Чехов быстро стал «своим» для англоязычной публики. Многие писатели ценили творческую манеру Чехова, стремились подражать ей. В их числе английские новеллисты А. Коппард, Г. Бейтс, Дж. Кэри, Э. Боуэн, У. Тревор. Кэтрин Мэнсфилд называла себя «английским Чеховым», о Джоне Чивере критики говорили как об «американском Чехове»³. Другими американскими последователями Чехова являлись Шервуд Андерсон, Бернард Маламуд, Эрскин Колдуэлл, Карсон Маккаллерс, Филипп Рот; отголоски чеховского стиля исследователи находят в творчестве таких признанных писателей, как Эрнест Хемингуэй и Уильям Фолкнер⁴.

¹ Цит. по: Шерешевская М. А., Литаврина М. Г. Чехов в английской критике и литературоведении // Литературное наследство – Том 100: Чехов и мировая литература. Кн. 1; [Отв. ред. Л. М. Розенблюм]. М. : «НАУКА», 1997. С. 434.

² Там же. С. 436.

³ Павленко Л. Г. Чеховская поэтическая деталь в английском переводе. // XXII Чеховские чтения: Сб. науч. тр. / Таганрог. гос. пед. ин-т; Отв. ред.: Л. Л. Дроботова. Таганрог, 2004. С. 208.

⁴ Левидова И. М. От Шервуда Андерсона до Джона Чивера (Чехов и американские прозаики) // Литературное наследство – Том 100: Чехов и мировая литература. Кн. 2; [Отв. ред. Л. М. Розенблюм]. М. : ИМЛИ РАН, 2005. С. 717.

Чеховский авторитет значительно повлиял на англоязычную литературу, в частности, помог преодолеть отношение к жанрам малой прозы как второстепенным и развлекательным по сравнению с романом.

В последние десятилетия творчество А. П. Чехова активно изучается в научных кругах и в университетской среде, в рамках курсов современного рассказа и сравнительного литературоведения; публикуются новые переводы, а также выпускаются биографии. Из последних заметных работ можно выделить книгу «Жизнь Антона Чехова» Дональда Рейфилда (Нью-Йорк: Henry Holt, 1998) и «Чехов: сцены из жизни» переводчицы Розамунд Бартлетт (Нью-Йорк: Simon & Schuster, 2005). Также проводятся различные конференции, например, Третий симпозиум Международного сообщества по изучению чеховского творчества (International Chekhov Society) в Йельском университете (апрель 1990 г.) или симпозиум к 100-летию со дня смерти А. П. Чехова, финансируемый Национальным фондом гуманитарных наук (The National Endowment for the Humanities) (2004 г.).

В 1992 г. было создано Северо-американское общество по изучению Чехова, чтобы объединить чеховедов США и Канады для сбора информации о событиях в науке, связанных с А. П. Чеховым: выходе новых книг, конференциях, новых спектаклях. В связи с проблемой переосмысления чеховских произведений в новом веке, достоверная передача их компонентов при переводе представляется особенно актуальной.

Необходимо сказать несколько слов об известных переводчиках чеховского творчества.

Одной из лучших и популярнейших переводчиц А. П. Чехова является англичанка Констанция (или Констанс) Гарнетт (1862-1946). Она переводила не только Чехова, но и многих других русских классиков, в частности Л. Н. Толстого, с которым даже встречалась лично. Всего Констанс

Гарнетт принадлежит около 70 томов переводов русскоязычных произведений¹.

Признанное мастерство Констанс Гарнетт основано на ее глубоких знаниях не только русского языка, но и русской культуры, мировоззрения, быта. Во многом она обязана этим своей семье: дед служил морским инженером в Российской империи при Николае Первом, отец в юности жил в России. Констанс Гарнетт никогда не прекращала совершенствовать свои познания: общалась с русскими эмигрантами, изучала страну во всех аспектах. В исследовании творчества и личности Чехова Гарнетт помогал её муж Эдвард Гарнетт, критик и литератор, изучавший русскую литературу и написавший несколько статей о Чехове.

Хотя переводам Констанс Гарнетт уже около ста лет, и их можно назвать устаревшими, все же они считаются образцовыми, и многие современные переводчики ориентируются именно на них. Вклад Констанс Гарнетт в чеховедение нельзя недооценивать.

Рональд Уилкс (1933-2016) – еще один британский переводчик русской классики, литературовед и популяризатор русской словесности. Русский язык он изучал в Тринити-колледже в Кембридже. Сотрудничая с лондонским издательством Penguin Books, начиная с 80-х гг., в рамках серии Penguin Classics Уилкс переводил не только Чехова, но и Пушкина, Гоголя, Салтыкова-Щедрина, Достоевского, Толстого, Горького, Сологуба.

Одними из самых популярных современных переводчиков являются Лариса Гиршевна Волохонская (р. 1945) и Ричард Пивер (р. 1943) – супруги, работающие в тандеме. Л. Г. Волохонская родилась в Ленинграде, она сестра поэта Анри Волохонского. Закончила филологический факультет Ленинградского университета, в 1973 г. эмигрировала в Израиль, а затем и в США, где познакомилась с Пивером. Американец Р. Пивер – литературовед, профессор, переводчик с русского, французского и итальянского языков.

¹ Додонова Н. Э. А. П. Чехов в переводах К. Гарнетт // XXII Чеховские чтения: Сб. науч. тр. / Таганрог. гос. пед. ин-т; Отв. ред.: Л. Л. Дроботова. Таганрог, 2004. С. 185.

Изначально Пиверу и Волохонской отказывали в публикациях; издатели говорили: «Гарнетт будет жить вечно»¹. Но впоследствии переводчики сумели добиться публикаций и признания.

Пара работает следующим образом: сначала Л. Волохонская делает черновик перевода с обширными пометками и комментариями, затем Р. Пивер переписывает его с необходимыми стилистическими, лексическими и другими правками, подходя к тексту как носитель языка².

В рамках форума о чеховской прозе на американском симпозиуме 2004 г. прозвучали слова о том, что историю чеховских переводов можно разделить на три основных периода: эра Гарнетт, эра Хингли и эра Пивер-Волохонской³.

В следующем параграфе мы обратимся к тем сложностям, которые были выявлены за долгую историю переводов произведений Чехова на английский язык. В практической части мы сравним выявленные нами примеры с уже устоявшимися переводческими тенденциями, а также проследим, как общие правила соотносятся с образом крестьянства.

2.2. Сложности, возникающие при переводе художественной речи в произведениях А. П. Чехова

В данном параграфе мы возвращаемся к языковому (речевому) уровню художественного произведения, который упоминали в параграфе 1.1. И. Н. Сухих называет его «уровнем художественной речи» и подразделяет на «три

¹ Remnick, David. The Translation Wars [Электронный ресурс] // The New Yorker : [сайт]. URL: <http://www.newyorker.com/magazine/2005/11/07/the-translation-wars> (дата обращения: 20.04.2017).

² Translating Chekhov's Prose // Chekhov the immigrant: translating a cultural icon : [based on the papers presented at a 2004 NEH-funded symposium marking the hundredth anniversary of Chekhov's death] / ed. by Michael C. Finke & Julie de Sherbinin. Bloomington (Ind.) : Slavica, 2007. С. 57.

³ Там же. С. 30.

основные группы элементов: систему стилистических пластов, систему тропов и систему ритмической организации»¹.

За долгую историю чеховедения было проведено немало исследований о релевантности переводов чеховских произведений. Примечательно, что пользующиеся непререкаемым авторитетом в Англии переводы Констанс Гарнетт критиковались в США как неподходящие для американского варианта английского языка. Так, Томас Виннер писал, что «стиль как повествовательных, так и драматических ее переводов часто страдает напыщенностью, иногда бывает громоздким и неуклюжим»²; Рональд Хингли отмечал, что переводы Гарнетт «портит налет неестественности»³.

Мы изучили несколько исследований, посвященных разбору переводов чеховской прозы, чтобы опираться на их принципы в своем собственном анализе.

Н. Э. Додонова рассматривала пьесы А. П. Чехова в переводе К. Гарнетт как самостоятельные произведения на английском языке, старалась разложить их на компоненты и понять, каким будет представление о Чехове на этой основе. С одной стороны исследовательницу неприятно поразили «непривычный для аутентичной английской классики неразвернутый синтаксис, нетипичные обращения, обилие междометий, повторяемость фраз, производящие впечатление схематичности текста в целом». «Складывалось впечатление, что уходит чеховская тонкость, его обороты, просторечия, нет возможности отточить фразу на иностранном языке, как это было в

¹ Сухих И. Н. Структура и смысл: Теория литературы для всех. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. (Культурный код). С. 132.

² Виннер Т. Чехов в Соединенных Штатах Америки / Перевод с английского Т. М. Литвиновой // Литературное наследство – Том 68: Чехов; [Гл. ред. В. В. Виноградов]. М. : Издательство АН СССР, 1960. С. 778.

³ Цит. по: Шерешевская М. А. Переводы (Раздел «Чехов в Англии») // Литературное наследство – Том 100: Чехов и мировая литература. Кн. 1; [Отв. ред. Л. М. Розенблюм]. М. : «НАУКА», 1997. С. 392.

оригинале»¹. С другой стороны, после прочтения, общий образ героев и ситуации показались критику такими же, как после чтения русского варианта – как это и должно быть.

Н. Э. Додонова отмечает, что в своей работе Гарнетт пользуется разными методами перевода. Коммуникативно-прагматический перевод ориентирован на схожее с оригиналом воздействие на читателя. В этом случае не соблюдается точный языковой состав, имеют место лексические и грамматические трансформации, но передаётся точное содержательное и эмоционально-эстетическое значения слова или фразы («Да не тут-то было» - «But not a bit of it»). Функционально-семантический способ перевода Гарнетт использует для передачи особенностей русской речи конца XIX - начала XX вв. («ну, полно!» - «come, come»)².

Слова и фразы со специфическим стилистическим оттенком получают разную степень адекватности оригиналу в зависимости от их переводимости. Чеховские обороты на базе стилистических приёмов (эвфемизмы, оксюморон, персонификация) перевести реальнее, чем его авторские словечки, созданные на основе нарушения нормы. Иронию также возможно передать («На наших дачах сохранился милый обычай» - «There is a charming custom in our country retreat»)³.

Додонова делает вывод: если сосредоточиться на сопоставительно-культурном плане и меньше обращать внимания на трудно переводимые стилистические компоненты, можно признать, что Чехов вполне переводим. Хотя содержание удастся передать гораздо легче, чем форму.

М. А. Шерешевская анализирует переводы современников Гарнетт – Р. Лонга и М. Фелл. Лонг допускал некоторые смысловые ошибки, но главная проблема его переводов – в стилистическом несоответствии, значительно

¹ Додонова Н. Э. А. П. Чехов в переводах К. Гарнетт // XXII Чеховские чтения: Сб. науч. тр. / Таганрог. гос. пед. ин-т; Отв. ред.: Л. Л. Дроботова. Таганрог, 2004. С. 187.

² Там же.

³ Там же. С. 190.

меняющем тональность рассказов. «Вызвано это главным образом тем, что рассказ, который у Чехова почти всегда ведется с точки зрения одного из героев, передается Лонгом традиционным авторским повествованием. Не справляется Лонг также и с диалогом, нивелируя речевые характеристики чеховских персонажей до гладкой литературной речи»¹. В переводах Фелл «разговорный синтаксис передан грамматически правильными оборотами, а характерная просторечная лексика стилистически нейтральной («вчера» - «yesterday», «отчесал» - «to beat», «мне в харю» - «my face»)².

Одной из самых удачных адаптаций Шерешевская считает академическое издание пьес и поздних прозаических сочинений Чехова в переводе Р. Хингли, которое было завершено в 1980 г. «Особое внимание уделено (...) переводу просторечья и тех форм лексико-грамматических отступлений от правильной речи, которые вызваны социальной, профессиональной или иной другой принадлежностью персонажа. В последнем случае Хингли широко использует приемы целостного преобразования и компенсации»³. Принципам, заявленным Хингли, следовали переводчики П. Майлз и Х. Питчер, добиваясь стилистического соответствия, используя функциональные замены и уделяя особое внимание передаче несобственно-прямой речи.

Л. Г. Павленко рассматривает передачу чеховских поэтических деталей при переводе, таких как стилистические приемы, ключевые слова, реальные предметы, зрительные и слуховые образы, возникающие в художественном сознании. Павленко отмечает важность перевода просторечий просторечиями, фразеологизмов – фразеологическими эквивалентами и т. д.,

¹ Шерешевская М. А. Переводы (Раздел «Чехов в Англии») // Литературное наследство – Том 100: Чехов и мировая литература. Кн. 1; [Отв. ред. Л. М. Розенблюм]. М. : «НАУКА», 1997. С. 372.

² Там же. С. 374-375.

³ Там же. С. 396.

а также советует уделять особое внимание ключевым словам – многократным повторам в произведении, являющихся его символом¹.

Е. В. Полякова исследует прецедентность и национально-культурные особенности, которые имеют большое значение в восприятии смысла иноязычного текста и его передаче на иностранном языке. С ее точки зрения идеальным критерием для успешного перевода текста является прочтение, когда читатель декодирует значение формирующих языковых единиц, понимает содержание и смысл текста, осознает его историко-культурный контекст².

Л. Е. Черкасский рассматривал передачу художественного образа при переводе и отмечал, что учитывая многозадачность художественного образа, переводчик не должен упрощать его, снижать художественную силу, которой его наделил автор подлинника³.

Принимая во внимание описанные выше особенности чеховского стиля, а также рассмотренные исследовательские работы, мы можем сделать вывод о том, какие речевые единицы будут наиболее релевантны для нашей работы.

Мы не будем затрагивать в исследовании ритмику, так как интонационные, синтаксические и др. элементы, которые она включает, представляют особую проблему для переводов и должны рассматриваться отдельно. Тропам мы не будем уделять особое внимание при выборке примеров из чеховских текстов, за исключением конкретных случаев, в которых троп представляет особую сложность для перевода.

¹ Павленко Л. Г. Чеховская поэтическая деталь в английском переводе // XXII Чеховские чтения: Сб. науч. тр. / Таганрог. гос. пед. ин-т; Отв. ред.: Л. Л. Дроботова. Таганрог, 2004. С. 208-213.

² Полякова Е. В. Прецедентность как фактор национально-культурной компетенции в произведениях А. П. Чехова // XXII Чеховские чтения: Сб. науч. тр. / Таганрог. гос. пед. ин-т; Отв. ред.: Л. Л. Дроботова. Таганрог, 2004. С. 230.

³ Черкасский Л. Е. Русская литература на Востоке: теория и практика перевода // Сравнительное и сопоставительное литературоведение: Хрестоматия / [Сост. В. Р. Аминева и др.; Науч. ред. к.филол.н., доц. Я. Г. Сафиуллин]. Казань : ДАС, 2001. С. 263.

Для нас наибольший интерес представляет специфически окрашенная лексика, поэтому мы сфокусируемся на стилистических пластах, представляющих собой отклонения от общелитературной нормы. Стилистически окрашенная лексика чаще всего используется для характеристики эпохи и места действия, персонажей, а также влияет на повышение или, наоборот, понижение стиля.

Так как мы говорим об образе крестьянства, внимание нужно уделить **архаизмам, историзмам, варваризмам, вульгаризмам и просторечиям**, как наиболее характерным для «деревенской» речи. Диалектизмы для чеховского разомкнутого и неоднородного хронотопа скорее не свойственны.

Кроме того, лакуной для переводчиков могут стать национально-окрашенные слова, отражающие **реалии** русской культуры, **старославянизмы, топонимы и антропонимы; религиозные термины (церковнославянизмы); эмоционально-оценочные средства и экспрессивные элементы** (например, сложные междометия).

К сложностям можно отнести и **дефекты речи** у персонажа; **ошибки** в произношении или употреблении слов; **намеренное искажение** нормы; а также употребление **языковой игры, каламбура** – несовместимых языковых средств, вызывающих иронический или юмористический эффект.

Также целесообразно говорить о так называемых **близких концептах** – схожих реалиях, встречающихся в обоих языках (языке переводимом и языке перевода), но различающихся в некоторых второстепенных аспектах. «В близких концептах разных культур национальная специфика проявляется в том, что сопоставимые концепты оказываются не полностью совпадающими по своему содержанию. Причем именно несовпадения могут быть очень существенны для межкультурной коммуникации»¹.

¹ Стернин И. А., Попова З. Д., Стернина М. А. Лакуны и концепты // Лакуны в языке и речи: Сборник научных трудов / Под ред. Проф. Ю. А. Сорокина, проф. Г. В. Быковой. Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2003. С. 206.

На указанные стилистические приемы, как наиболее релевантные для темы нашего исследования, мы будем ориентироваться в практической части.

Глава III. Практическое исследование примеров перевода у разных переводчиков

Данная глава носит практический характер. В первом параграфе этой главы мы опишем метод сравнительно-исторического литературоведения, который будет использован при сопоставлении оригинальных произведений с переводами.

Во втором параграфе будут представлены результаты проведенного сопоставления отдельных лексических, фразеологических и др. единиц у разных переводчиков, соотнесения их с выявленными нами чертами чеховского идиостиля середины 1880 – 1890-х гг. Будут приведены суждения о точности отдельных выражений, о сложностях, которые встают перед переводчиками, и способах их решений. А также будут сделаны выводы о полноте передачи образа русского крестьянства при помощи указанных языковых и стилистических средств.

На основе исследования истории восприятия А. П. Чехова за рубежом и многочисленных переводов его произведений (глава II) мы выбрали нескольких переводчиков, чьи переводы будем рассматривать. Одной из них станет Констанс Гарнетт, способствовавшая популяризации произведений Чехова за границей. Ее переводы до сих пор считаются образцовыми в англоязычном литературном мире, несмотря на некоторое неприятие ее стиля американскими критиками (см. параграф 2.2).

Изначально изданные Констанс Гарнетт «Новая дача», «В овраге» и «Мужики» в сборнике “The Witch and Other Stories” (1918), а «Степь» - в “The Bishop and Other Stories” (1919), эти тексты находятся сейчас в открытом доступе, в частности на сайте www.eldritchpress.org, где представлены с комментариями Джеймса Раска.

Нам показалось интересным и значимым добавить в исследование аспект преемственности переводческих традиций, поэтому в качестве второго переводчика мы выбрали Ричарда Пивера, работающего в тандеме с Ларисой

Волохонской. Их переводы современны (изданы в 2000-х гг.) и одобрены многочисленными критиками. Тем интереснее будет сравнить варианты переводов, которые разделяет более полувека. В процессе исследования для краткости мы будем называть только имя Р. Пивера (конечно, подразумевая совместную работу с Л. Волохонской), поскольку окончательный вариант переводов в их переводческой паре остается за ним (см. параграф 2.2).

Тем не менее, среди выбранных нами произведений о крестьянстве Р. Пивером и Л. Волохонской переведены только «Степь» (мы использовали вариант в сборнике “The Complete Short Novels” – Vintage Classics, 2005) и «В овраге» (в сборнике “Stories”, Bantam Books, 2000), поэтому «Мужиков» и «Новую дачу» нам пришлось искать у других относительно современных переводчиков.

Мы выбрали переводы Рональда Уилкса, поскольку он сотрудничал с известным и уважаемым издательством Penguin Books и его переводы написаны живым и современным языком. «Новую дачу» мы анализировали по сборнику “The Fiancée and Other Stories” – Penguin Books, 1986, а «Мужиков» по “The Lady with the Little Dog and Other Stories, 1896-1904” - Penguin Books, 2002.

При работе с лексикой из оригинальных текстов (в частности для определения стилистического оттенка) мы использовали Большой толковый словарь русского языка под ред. С. А. Кузнецова (СПб.: Норинт, 1998), Толковый словарь русского языка под ред. Д.Н. Ушакова (М.: Сов. энцикл., 1935—1940), а также Современный толковый словарь русского языка под ред. Т. Ф. Ефремовой (М.: АСТ, Астрель, Харвест, 2006).

Для аналогичных целей при работе с лексикой из текстов, переведенных на английский язык, мы пользовались Оксфордским словарем живого английского языка (en.oxforddictionaries.com), а также Кембриджским словарем английского языка (dictionary.cambridge.org).

Также следует отметить, что ввиду большого объема повести «Степь» выборка лексики в ней производилась только во фрагментах, посвященных поездке Егорушки вместе с работниками на обозе (т. к. именно эти герои представляют собой образ крестьянства в повести), а также в некоторых пейзажах, которые, как мы уже отмечали, играют большую роль в произведении.

Мы также не использовали в исследовании существующее продолжение «Мужиков», главы X и XI, поскольку они представляют собой черновики, а, значит, не были окончательно закончены и одобрены писателем. Кроме того, речь там уже о городе, а не о деревне, что идет вразрез с нашей темой.

В основном специфически окрашенная лексика встречается в диалогах и описании персонажей, часто в незначительных репликах и деталях – так формируется впечатление о герое, месте действия.

Далее мы обратимся к сравнительно-историческому методу, на который будем опираться в практическом исследовании.

3.1. Перевод в рамках сравнительно-исторического литературоведения (компаративистики)

Согласно В. А. Миловидову, сравнительное литературоведение – это обширная область филологии, представители которой изучают различные связи между национальными литературами¹. По сути – это поиск универсальных проявлений во всех рассматриваемых литературах и анализ их исторических модификаций.

¹ Миловидов В. А. Текст, контекст, интертекст: Введение в проблематику сравнительного литературоведения: Пособие по спецкурсу / В. А. Миловидов; М-во общ. и проф. образования Рос. Федерации, Твер. гос. ун-т. Тверь : Твер. гос. ун-т, 1998. С. 83.

Школа сравнительного литературоведения, которое также называют компаративистикой, сложилась в начале XX в. во Франции. Она изучала историю литературного развития Европы с точки зрения межнациональных литературных контактов. Возникшая после Второй мировой войны американская школа сравнительного литературоведения предложила концепцию мировой литературы как совокупности шедевров, вышедших за рамки одной нации и получивших всемирное историческое значение.

Одним из наиболее значимых русских ученых, развивавших сравнительное литературоведение, выступил А. Н. Веселовский (1838-1906). Его цикл работ «Историческая поэтика», в котором Веселовский использует сравнительный метод, чтобы проследить развитие форм поэтического сознания, вызвал настоящую революцию в литературоведении и оказал огромное влияние на исследования нового времени. Помимо прочего, А. Н. Веселовский в своих работах обращался к теме творчества отдельного писателя, которой посвящено наше исследование. Ученый отмечал, как важно, рассматривая творчество конкретного автора, не смешивать его полностью с историко-литературным процессом, а лишь не выходить за его рамки в исследовании. «Гениальность великого писателя невозможно полностью объяснить, но можно проследить ее формирование в рамках определенных литературных течений»¹.

Другим выдающимся ученым в этой области выступил В. М. Жирмунский, который разрабатывал основы отечественного сравнительного литературоведения в 1930-е гг. Жирмунский выделил контактные связи, порожденные взаимодействиями литератур разных культур, и типологические схождения, вызванные сходными социальными отношениями. Работа В. М. Жирмунского во многом перекликается с идеями

¹ Веселовский А. Н. Историческая поэтика. М. : Высшая школа, 1989. С. 20.

А. Н. Веселовского, в частности, о так называемых встречных течениях¹, т. е. о самостоятельном возникновении потребности в инонациональном влиянии.

Еще одним известным исследователем в этой области является М. П. Алексеев, чьи последователи фокусируются на более традиционных аспектах международных связей.

Основными принципами сравнительно-исторического подхода являются следующие положения:

- в системе литература принципы компаративистики используются для анализа любого участка коммуникативной цепи;
- в основе сопоставления лежит принцип сходства и различия «своего» и «чужого»;
- литературное сравнение возможно как в синхронии (в единовременности), так и в диахронии (разновременности);
- в сопоставлении образов единицей выступает «группа ассоциаций», а также процессы адаптации, аллюзии;
- при помощи суггестии (образного восприятия, конструирующего новое содержание) возможно исследование восприятия текста в рамках иноязычного культурного контекста, что получило название «имагологии» и т. д.
- могут предприниматься тематологические исследования, рассматривающие типологические сходства и различия («вечные» темы и образы, национально-освободительные движения и др.) и т. д.²

Необходимость применения сравнения в качестве особого метода исследования чаще возникает в исследовании значительных, сложных

¹ Жирмунский В. М. Сравнительное литературоведение: Восток и Запад. Л., 1979. С. 84–136.

² Зусман В. Г. Компаративистика // Сравнительное литературоведение: хрестоматия: учеб. пособие / Отв. ред. Г. И. Данилина. Тюмень : Печатник, 2010. С. 382-390.

объектов и явлений, характеризующихся широким набором варьирующих признаков. Таким комплексным, многоуровневым концептом предстает творчество отдельно взятого автора, особенно – классика. Так, М. Рубинс отмечает: «Объектом компаративистского исследования может быть как творчество конкретных писателей, и даже отдельные произведения, так и целые литературные направления и группы»¹. Помимо собственно произведений автора, имеется огромное количество связанных с ним явлений, значимых для формирования полноценного образа: редакции разных лет, адаптации работ на сцене, черновые автографы и, безусловно, переводы. Тем самым нам представляется целесообразным изучить взаимовлияние переводов и оригинальных произведений отдельно взятого писателя именно посредством сравнительного метода.

Переводы имеют большое значение для литературоведения. Если в других сферах деятельности чаще всего не играет роли, какая работа используется: оригинальная или переводная, то в литературоведении это важно. Сравнительное литературоведение и переводоведение нередко соприкасаются по предмету исследования. В вопросах перевода компаративистика помогает разобраться в национальных и интернациональных явлениях в литературе, в процессах глобализации и регионализации в современной культуре. В своем исследовании мы используем сравнительный анализ переводов как материал компаративного исследования.

Перевод как метод компаративистики рассматривал словацкий ученый Д. Дюришин. Так, по его словам, при рассмотрении переводов как части мировой литературы, перевод выходит «на новый, более высокий уровень координат, раскрывающих его ранее скрытые историко-литературные качества, заключающиеся в способности к активизации национального

¹ Проблемы сравнительного литературоведения: сборник статей. М. : ИМЛИ РАН, 2004. С. 96.

литературного процесса»¹. Также исследователь упоминает, что принадлежность перевода к национальному литературному процессу во всех случаях остается предпосылкой верного понимания его сущности, места и роли. Художественный перевод произведения Дюришин называет «особой формой межлитературной рецепции»².

К художественному переводу в системе сравнительного литературоведения обращался и П. М. Топер, называя его динамичным фактором культурного развития. Исследователь отмечает, что переводчик художественной литературы должен понять жизнь, изображенную автором, людей, описанных им, увидеть жесты героев и т. д. Для этого переводчику необходимо знание предмета, которым обладал автор. Важно в совершенстве постичь переводимое произведение, а также ту специфику, которая отличает его от других произведений этого писателя, а писателя – от других представителей его литературы. «Содержание и форму произведения переводчик воспринимает нераздельно; мысль (образ) и особенности словесного выражения должны для переводчика слиться в некое единое целое, становящееся объектом художественного перевода»³.

В нашем исследовании мы ориентируемся на изложенный подход, поскольку наши намерения вписываются в специфику его исследования. Применение описанного метода нашло отражение в практическом исследовании, результаты которого описаны в следующем параграфе.

¹ Цит. по: Топер П. М. Перевод в системе сравнительного литературоведения. М. : Наследие, 2001. С. 18.

² Дюришин Д. Перевод как форма межлитературных связей // Сравнительное и сопоставительное литературоведение: Хрестоматия / [Сост. В. Р. Аминева и др.; Науч. ред. к.филол.н., доц. Я. Г. Сафиуллин]. Казань : ДАС, 2001. С. 232.

³ Топер П. М. Перевод в системе сравнительного литературоведения. М. : Наследие, 2001. С. 39.

3.2. Результаты практического исследования

В данной части работы представлены сравнения различных переводов на английский язык текстов Чехова о крестьянах, сопоставление их с оригиналом и выводы о соответствии чеховскому стилю (основные черты которого были определены в главе I). Сделаны выводы о точности отдельных выражений, о сложностях, которые встают перед переводчиками и способах их решений.

Прежде всего, следует обратить внимание на перевод заглавий выбранных произведений. «Степь» в обоих вариантах – у К. Гарнетт¹ и Р. Пивера² – транскрибируется как “The Steppe”. Согласно Оксфордскому словарю, это слово вошло в состав английского языка в конце XVII в., происходит напрямую от русского аналога и обозначает характерный для средних широт России (а также Восточной Европы и Центральной Азии) географический ареал³. Было бы нелогично заменять «степь» при переводе на «вересковые пустоши» (moorland) или «прерии» (prairie), более привычные западному читателю, так как речь идет о русской территории, поэтому название вполне обоснованно.

¹ 201 Stories by Anton Chekhov; translated by Constance Garnett [Электронный ресурс]. URL: <http://www.eldritchpress.org/ac/jr/> (дата обращения: 10.04.2017).

² The complete short novels / Anton Chekhov ; transl. from the Russian by Richard Pevear, Larissa Volokhonsky ; with an introd. by Richard Pevear. New York : Vintage Books, 2004. P. 3.

³ Oxford Living Dictionaries [Электронный ресурс]. URL: en.oxforddictionaries.com (дата обращения: 10.04.2017).

«В овраге» Гарнетт (Garnett. Указ. соч.) и Пивер¹ переводят как “In the Ravine”. Интересно, что слово “ravine” также может употребляться в значении «ущелье». В целом, “ravine” считается меньше каньона или долины, но больше канавы или некоторых оврагов, для которых есть термин “gully”. В этом случае точнее представляется вариант переводчицы Айви Литвиновой, озаглавившей эту повесть “In the Gully”². Тем не менее, намерение А. П. Чехова метафорически показать трудную жизнь крестьян и нечестное дело мещан Цыбукиных как существование «на дне пропасти», «на дне жизни» укладывается в сочетание “In the Ravine”, поэтому такой перевод вполне допустим.

«Новая дача» у К. Гарнетт (Garnett. Указ. соч.) и Р. Уилкса³ переводится “The New Villa”. В этом случае можно говорить о рассмотренном нами выше неполном совпадении понятий в разных языках. Дача для русского читателя – загородный дом, в котором не живут постоянно, но приезжают на время, чаще всего – летом. На Западе нет абсолютного аналога как самой реалии, так и слова. Поэтому переводчики используют слово “villa”. В русском языке оно тоже есть и также означает большой загородный дом, обычно с садом и различными удобствами. Впрочем, такое значение вполне уместно, поскольку в повести, согласно чеховскому разомкнутому хронотопу, персонажам сложно понять друг друга – местные мужики с их бедностью противопоставлены новым «господам», инженеру с женой, которые живут, напротив, хорошо. Купленный ими дом вполне можно назвать виллой.

¹ Stories / by Anton Chekhov ; translated by Richard Pevear and Larissa Volokhonsky. New York [etc.] : Bantam Books, 2000. – P. 383.

² Stories : короткие рассказы / Anton Chekhov; Transl. from the Russ. I. Livinov. M. : Raduga publ., 1999. – P. 151.

³ The fiancée : and other stories / A. Chekhov ; transl., author of introduction R. Wilks. London : Penguin Books, 1986. – P. 189.

«Мужики» - важное название с точки зрения нашей темы, поскольку это синоним слова «крестьянин». Оба слова используются Чеховым наравне, тем не менее, и у Гарнетт (Garnett. Указ. соч.), и у Уилкса¹ они передаются одним “Peasants” (крестьяне). В местах, где неважно указание на крестьянство как на класс, переводчики вводят нейтральное “men”, например, «мужики наши горькие» (Т 9, 284) К. Гарнетт переводит как “Our men are a grievous lot” (Garnett. Указ. соч.), а Р. Уилкс как “Our men are a lousy lot of drunkards” (Wilks, 2002: 24). Р. Уилкс фразу «мужик бы ничего» (Т 9, 284) переводит “Not a bad sort” (Wilks, 2002: 24). Только Ричард Пивер в переводе «Степи» в нескольких местах (но не везде) употребляет транслитерированное “muzhiks” (Pevear, 2004). Возможно, это вызвано желанием переводчика показать читателям исконное слово, столь важное для темы крестьянства в повести.

По аналогии со сложностями в переводе синонимичной пары «мужики – крестьяне», схожая ситуация возникает с сочетанием «бабы и девки» или «бабы и девушки», которое повторяется у Чехова почти во всех четырех произведениях. В английском языке нет разговорного синонима слова «женщины», указывающего на ее деревенское происхождение. Переводчикам остается передавать только аспект возраста - женщины среднего возраста и молоденькие девушки. Так, Р. Уилкс (Wilks. Указ. соч.) и Р. Пивер (Pevear. Указ. соч.) используют “women and girls”, а К. Гарнетт уточняет “peasant women and girls” (Garnett. Указ. соч.). Это добавление еще раз подчеркивает крестьянскую тематику произведений. Впрочем, так как место действия – деревня, то и так понятно, что эти женщины и девушки – ее жители.

Гораздо больше вариаций приходится на перевод противоположного полюса – обеспеченных «господ» и хозяев усадеб. Так, в «Степи» К. Гарнетт переводит выражение «славные господа» (Т 7, 51) как “nice

¹ The lady with the little dog and other stories / Anton Chekhov ; translated with notes by Ronald Wilks ; with an introduction by Paul Debreczeny. London : Penguin Books, 2002. P. 22.

gentlemen” (Garnett. Указ. соч.), а Р. Пивер как “nice masters” (Pevear, 2004: 48); презрительное «А еще тоже барин» (Т 7, 65) у Гарнетт – “And you a gentleman too!” (Garnett. Указ. соч.), у Пивера - “Some master you are!” (Pevear, 2004: 65). Когда в «Мужиках» к студенту и его сестрам обращаются «барин» и «ваше высокоблагородие, господа хорошие» (Т 9, 297-298), К. Гарнетт передает это как “sir”, “your honour, kind gentlefolks” (Garnett. Указ. соч.), а Р. Уилкс – “sir and you ladies, you’re good people” (Wilks, 2002: 40). Когда Фекла пренебрежительно восклицает «Барыни какие!» (Т 9, 298), у обоих переводчиков используется слово “ladies” (Garnett и Wilks. Указ. соч.). В «Новой даче» по отношению к господам Гарнетт и Уилкс употребляют “master”, “mistress” и “lady”, но у Гарнетт также встречается “employers” (Garnett. Указ. соч.), а у Уилкса – “squire” (Wilks, 1986: 201). По всему перечисленному заметно, что в некоторых местах переводчики вводят понятия из собственной культуры: джентльмен, леди, сквайр. Но если «джентльмен» и «леди» смотрятся относительно органично в функции вежливого обращения к более знатному человеку, то сквайр – особый титул, который применительно к русскому человеку может быть воспринят неправильно.

Кроме господ и крестьян в произведениях встречаются и другие классы – мещане, купцы и зажиточные крестьяне. В повести «В овраге» именно мещане противопоставляются бедным крестьянам, в «Степи» эту роль играют купцы, в то время как в «Новой даче» и «Мужиках» использован образ непосредственно богатых господ. Мещанина Цыбукина из «В овраге» К. Гарнетт называет “shopkeeper” (Garnett. Указ. соч.), Р. Пивер – “tradesman” (Pevear, 2000: 384). В «Степи» у Гарнетт мещане – “artisans” (Garnett. Указ. соч.), у Пивера – опять же “tradesmen” (Pevear, 2004). Для обоих переводчиков купец Иван Иванович Кузьмичов – “merchant”. «Зажиточный крестьянин» у всех переводчиков – “a well-to-do peasant” или “rich peasant”, у Р. Уилкса в «Новой даче» встречается “rich villager” (дословно – богатый житель деревни). Здесь следует обратить

внимание на то, что купец в представлении западных переводчиков ведет более широкую торговую деятельность, чем мещанин, поэтому “merchant” противопоставляется владельцу магазина (“shopkeeper”), простому торговцу (“tradesman”) и продавцу собственноручных изделий (“artisan”).

Говоря о крестьянах, мещанах и купцах, нужно упомянуть и совсем бедных опустившихся крестьян, изображенных в «Новой даче». Они переводятся словом “navvies” (Wilks, 1986: 189), основное значение которого – «чернорабочие»¹.

С передачей различных разговорных, фамильярных обращений особых переводческих проблем не возникло. Так, обращения «тетка», «тетенька», «дядя», «мамаша», «мамка», «дед» у всех переводчиков передаются аналогичными “aunt”, “auntie”, “uncle”, “mother”, “mummy”, “grandfather”, “grandpa”, причем в оригинале и в переводе понятно, что эти обращения не предполагают непосредственной родственной связи. К. Гарнетт в «Мужиках» переводит «старик» как “the old father” (Garnett. Указ. соч.), но речь действительно идет об отце Николая, поэтому это допустимо. Стоит также отметить, что у К. Гарнетт употребляется более официальное “grandfather”, чем “grandpa” у других переводчиков. Кроме того, несколько странно выглядит то, как оба переводчика в «Мужиках» называют вечно злую и дерущуюся «бабку» уменьшительно-ласкательным “Granny”. Слово «кума» Гарнетт переводит “old girl”, Уилкс его просто опускает.

В переводе других обращений встречается большая вариативность. Среди просторечно-ласковых: «голубчик» - “poor dear darling” (К. Гарнетт) и “dear heart” (Р. Пивер); «голубушка» – “dear lady” (К. Гарнетт), “dear” (Р. Уилкс) и “dear little heart” (Р. Пивер); «дурачок» – “silly little thing” (К. Гарнетт) и “you little fool” (Р. Пивер); «братцы» - “lads” (К. Гарнетт) и “brothers” (Р. Пивер); «батюшка» - “my dear” (К. Гарнетт) и “laddie” (Р.

¹ Cambridge Dictionary [Электронный ресурс]. URL: dictionary.cambridge.org (дата обращения: 10.04.2017).

Пивер); «красавица, матушка» - “smart wench” (К. Гарнетт) и “beauty”(Р. Пивер).

Среди многочисленных вульгаризмов: «проклятый ты» - “you damned brute” (К. Гарнетт) и “curse you” (Р. Пивер); «холера» - “you plague” (К. Гарнетт) и “you silly cow” (Р. Уилкс); «черт» - “you devil” (Гарнетт и Пивер); «окаянный» - “damn you” (К. Гарнетт) и “blast you” (Р. Уилкс); «ирод собачий» - “you currish Herod” (К. Гарнетт) и “you filthy dog” (Р. Уилкс); «сатана бесхвостая» - “you tailless Satan” (К. Гарнетт) и “you tailless devil” (Р. Уилкс); «хамка» - “slave” (Гарнетт) “some kind of slut” (Уилкс); «каторжанка с ее чертенком» - “convict's wife and her imp” (Гарнетт), “convict's wife with her little devil” (Уилкс); «чтоб их разорвало» - “Plague take them!” (Гарнетт) и “They can damned well go to hell!” (Уилкс).

Подборка обращений свидетельствует о том, что это та область, в которой переводчики могут прибегать к творчеству, использовать различные варианты из собственного языка без ущерба оригинальному стилю или идее. Впрочем, заметно, что у Рональда Уилкса вульгаризмы приобретают более сниженную окраску, чем в оригинальном произведении и даже у других переводчиков.

Конечно, самый большой пласт среди выбранной нами лексики занимают различные просторечия. Разговорная лексика используется персонажами в диалогах, встречается в описаниях героев и играет большую роль в формировании образа крестьянства. К сожалению, переводчикам не всегда удавалось правильно перевести ее стилистически. Так, сниженное «помирать» передано нейтральным “to die”; «серчать» везде переведено просто как “be angry” (у Р. Уилкса встречаются не сниженные, но все же стилистически окрашенные “put her in a right temper” и “be mad” – «разъяриться»). Среди других примеров: далече – far, глыбоко – deep, пужать – to frighten, акромья некому – no one else, besides, маленько – a bit, awhile, приказчик ихний – his clerk, his agent и т. д. Часто встречается и слово

«ничего» в значении «хороший»; его в большинстве своем переводили как “all right”.

Сюда же можно отнести и прибавление «-с» в конце слов в разговоре с более знатными людьми. Ольга в «Мужиках» использует это прибавление, разговаривая с сестрами студента. На Западе нет однозначного аналога этого речевого явления. К. Гарнетт никак не передает его при переводе, Р. Уилкс добавляет к фразе “miss”.

Передаче не лексических, но речевых особенностей разговорной деревенской речи (например, образование форм слов, фонетические элементы и др.) наибольшее внимание уделял Р. Уилкс. Так, в его переводах реплик персонажей встречаются выражения с грамматическими ошибками: “You knows best” (Лычков старший), “he saw them girls at dawn” (Родион) и т. д. Помимо этого, Уилкс и другие переводчики используют усечение некоторых звуков в репликах – также маркер разговорной английской речи, например, “Let ‘em try!” (Wilks, 1986: 192) – «Ладно, пускай»; “I s’pose he must be hungry, too” (Pevear, 2004: 64) – «Чай, небось, тоже есть хочет».

Такие речевые особенности встречаются лишь в некоторых местах, в остальном речь крестьян «правильная». Скорее всего, это сделано, чтобы не затруднять понимание читающих излишним обилием неграмотной речи. В этом случае вспоминается речь чернокожих из оригинальных «Унесенных ветром» Маргарет Митчелл, переданная со всеми характерными особенностями. К примеру, фрагмент “Is y'all aimin' ter go ter Mist' Wynder's? 'Cause ef you is, you ain' gwine git much supper”¹ понятен, но если бы так была написана большая часть романа, то это затруднило бы прочтение даже для носителей языка, которые к такой речи не привыкли.

¹ Margaret Mitchell. *Gone with the wind* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.wenovel.com/book/802.html> (дата обращения: 17.04.2017).

К тому же, нелепо было бы переводить речь русских крестьян, к примеру, этой речью американских чернокожих середины XIX в. Ричард Пивер в одном из интервью отмечал, как неприятно его поразило то, что Дэвид Магаршак передал речь Павла Смердякова в кокни. Это добавляет определенную ментальность туда, где ее нет, отмечает Пивер¹. Впрочем, часто английские переводчики для передачи деревенской, малограмотной речи используют северно-английский диалект Сомерсет или шотландский акцент². Пожалуй, можно объяснить этот факт сформировавшимися национальными стереотипами.

В «Степи» обоз проезжает по украинским землям, и в одном фрагменте мужик, покупающий овес, торгуется с продавцом на украинском языке. Этот момент переведен переводчиками без каких-либо указаний на его отличие. Встречаются и несколько слов, связанных с Украиной: парубки, хохол, хохлацкая чумарка. К. Гарнетт употребляет “Little Russian” (устар.), Р. Пивер – “Ukrainian”. Остальные слова переводятся нейтрально.

Гораздо удачнее переводчикам получалось переводить не сниженную, а просто стилистически окрашенную лексику. Особенно это касается глаголов: хрипеть – croak, say hoarsely; голосить – bellow, howl; возиться на полу – scramble about the floor, play noisily on the floor; поплелся домой - slouched home, slunk off home, шмыгать – scurry, sneak out.

Многие просторечные элементы, эмоционально-оценочные средства, восклицания и сложные междометия содержат в себе религиозную лексику, также свойственную малообразованной деревенской речи. Такие восклицания повторяются в каждом произведении. С ними у переводчиков проблем не возникало: в английском языке есть большое число аналогичных

¹ Translating Chekhov's Prose // Chekhov the immigrant: translating a cultural icon : [based on the papers presented at a 2004 NEH-funded symposium marking the hundredth anniversary of Chekhov's death] / ed. by Michael C. Finke & Julie de Sherbinin. Bloomington (Ind.) : Slavica, 2007. С. 53.

² Там же.

восклицаний с религиозной лексикой. Примеры: бог даст – please God, God willing, God grant it; дай бог здоровья - God give them help, God grant them health; Господи Иисусе Христе - Lord Jesus Christ, Suffering Jesus; Христа ради - for Christ's sake, for God's sake; Ах ты, боже мой - Ah, my God, Oh God; Батюшки мои! Царица небесная! - Holy Saints! Queen of Heaven, Good God! Holy Virgin царство небесное - God rest his soul, Божья воля - It's God's will и т. д. Все эти варианты органично вписываются в канву произведения.

Кроме описанных восклицаний, которые относятся к народной речи, в текстах встречаются большое количество религиозных терминов. В основном, это названия религиозных праздников, обрядов и имена святых. Для всех праздников и святых, особенно для совпадающих с католическим вероучением, уже имелись устоявшиеся варианты переводов (несмотря на это, редактор произведений в переводе К. Гарнетт делал сноску к каждому упомянутому празднику): Святая – Easter, Воздвижение – Ascension, Покров - Feast of the Intercession, приобщать и соборовать - receive the sacrament and extreme unction, Успенъев пост - the Fast of the Assumption, Петров день - St. Peter's Day.

Гораздо сложнее передавать и воспринимать исконно русские традиции и обычаи, которые на Западе не встречаются. В таких случаях переводчики пользовались в основном описательным переводом, то есть иносказательно передавали значение того или иного действия. Много таких обрядов встречается в повести «В овраге», где описывается традиционная русская свадьба Анисима и Липы: «смотрины» К. Гарнетт называет “a visit of inspection”, Р. Пивер - “showing”, «величать» - у Гарнетт “sing songs of congratulation”, у Пивера “chant praises” (Garnett и Pevear, указ. соч.). Здесь не совсем понятно, что первое подразумевает знакомство жениха и его родственников с невестой, а второе – их чествование песнями. В обоих случаях не помешали бы сноски, которых нет.

Кроме того, встречается слово «оскоромиться». К. Гарнетт пишет “had broken her fast” (нарушила пост) (Garnett. Указ. соч.), Р. Уилкс – “she had eaten forbidden food during Lent” (съела запрещенную еду во время поста) (Wilks, 2002: 35). Значение передано. Фразу «записать имя в поминанье» Гарнетт переводит дословно “put my name down” (Garnett. Указ. соч.), не поясняя, а Пивер добавляет “wrote down my name to be prayed for” (Pevear, 2004: 72). «Лампадный стаканчик» переводят как “icon-lamp glass”. «Поденная работа» - “day labour”. Несколько народных песен, упомянутых в произведениях переведены дословно; так, в «Новой даче» упомянутая «Дубинушка» (Т 10, 127) передается К. Гарнетт как “Dubinushka” (Garnett. Указ. соч.), у Уилкса обобщенно упоминается, что песен больше не пели – “songs” (Wilks, 1986: 202).

«Знахарь» и «знахарка» вызвали особенную трудность: их переводили как “witch”, “wise men”, “quack” – ни одно слово полностью не подходит по значению, а последнее носит пренебрежительную окраску, в то время как чеховские персонажи к знахарскому мастерству относятся серьезно и пользуются их услугами (например, бабка в «Мужиках» или мать Константина Звонька из «Степи»). Абсолютного совпадения со словом «знахарь» в английском языке нет, но схожие явления, восходящие еще к дохристианским верованиям, имеются во многих культурах. Это и шаманы, и жрецы, и непосредственно принадлежащие к кельтской культуре друиды, также обладавшие функцией врачей-лечителей. Переводчики к этим отсылкам не прибегают, что, впрочем, привнесло бы ненужный исторический колорит.

Кроме таких сложных, непонятных западному читателю реалий есть и уже устоявшиеся, известные во всем мире русские вещи, которые несложно перевести: vodka, hut (изба), samovar, galoshes.

Часто среди просторечий встречаются фразеологизмы. Для фразеологизма и сравнения преобладающей является не номинативная, а экспрессивная, эмотивная, оценочная функции. Переводчики справляются с

передачей устойчивых сочетаний, варианты у них практически одинаковые: Глаза бы мои не тебя не глядели! - I wish I'd never set eyes on you; милости просим - You are very welcome; зги не видать - I couldn't see anything; дома и стены помогают - there is no place like home. Сравнения переводятся дословно: с плоской, как доска, спиной - back flat as a board.

В произведениях встречается много эпитетов, часто они следуют друг за другом, образуя градацию. Например: чернобровая - with her black eyebrows, ужасная, безысходная нужда - horrible, hopeless poverty (terrible, never-ending poverty), тощие, согорбленные, беззубые - skinny, hunchbacked, toothless, трескучие морозы - a sharp frost и др.

Интересно то, как переводчики передают различные меры измерения и денежные единицы. Рубли и копейки остаются в оригинальном виде: roubles, kopecks (sorecks у Уилкса). В одном месте у Гарнетт, когда Егорушка покупал подсолнухов «на копейку», указано “farthing's worth” (Garnett. Указ. соч.) – на фартинг. Видимо, это было сделано, чтобы подчеркнуть для западного читателя незначительность суммы, хотя в оригинале на этом внимание не акцентируется. «Шесть гривен» (видимо, чтобы не вводить еще одну незнакомую читателям денежную единицу) переводчики обозначают как “sixty kopecks”. Та же ситуация с гривенником – ten kopecks.

В текстах встречаются несколько историзмов – названий предметов, вышедших из употребления. Это касается, например, транспортных средств. Так, в «Степи» К. Гарнетт называет и бричку и тарантас “chaise”, Р. Пивер же транслитерирует русские названия – “britzka”, “tarantass”. «Обоз» у обоих назван “wagons”, “wagon train”. Дрожки транслитерируются - “droshky”.

Многие слова, понятия переходят из произведения в произведение, повторяются – это те самые многократные повторы, о которых мы упоминали в теоретической части. Это «озорник Дымов» в «Степи», «озорники» в «Мужиках», «озорная баба Аксинья». У переводчиков много различных

вариантов: *bully, impudent fellow, prankster, ruffians, beasts, you wicked woman, mischievous woman*. Кроме того, повторяются слова о томлении души, беспокойном сердце: томительное счастье (*fervent happiness, languorous happiness*); томился и скучал (*he was weighed down by depression and yearning, he felt languid and bored*); Природа как будто что-то предчувствовала и томилась (*Nature seemed as though languid and weighed down by some foreboding. It was as if nature anticipated something and languished.*); на душе тревожно (*a thrill of delight to the heart, disturb and delight in the heart*).

Интересен пример, когда в «Мужиках» упоминается, что Саше и Ольге из уважения говорили «вы», а мужикам все городские чиновники – «ты». К. Гарнетт перефразировала это так, что к Саше и Ольге относились, как будто они были выше, лучше, умнее других, а мужики, напротив, хуже (*Garnett. Указ. соч.*). Р. Уилкс же написал, что с Сашей и Ольгой говорили очень вежливо, а с мужиками обращались, как с последними нищими (*Wilks, 2002*).

Образование уменьшительно-ласкательных форм существительных в русско-английской переводческой традиции уже давно передается словом “*little*”, так было и в переводах чеховских текстов: *деточки – little children, парнишка – little lad* и др.

В текстах встречаются несколько фрагментов, в которых А. П. Чехов в какой-то мере отходит от объективного повествования. Это эмоционально-окрашенные восклицания, о которых мы упоминали в теоретической части работы, например: «Как душно и уныло!» (Т 7, 17), «Бедность, бедность!» (Т 9, 281). Переводчики справляются с этой задачей, сохраняя тональность и не перемещая эти восклицания, например, в прямую речь.

Нужно отметить также передачу антропонимов и топонимов. Имена персонажей у каждого переводчика транслитерируются с оригинала, хотя есть некоторые формальные расхождения. Например, Иван Иванович Кузьмичов («Степь») у К. Гарнетт - *Ivan Ivanitch Kuzmitchov*, а у Р. Пивера –

Ivan Ivanych Kuzmichov; деревня Обручаново («Новая дача») у К. Гарнетт – Obrutchanovo, а у Р. Уилкса - Obruchanovo и т. п. Такие небольшие расхождения объясняются лишь тем, что общепринятые правила транскрипции и транслитерации менялись с годами. Единственно, Егорушка у Р. Пивера – Egorushka (у К. Гарнетт – Yegorushka), что можно объяснить скорее не транслитерацией, а желанием Пивера передать имя главного героя как можно ближе к оригиналу.

В остальном все имена и названия передаются так же, как в русском варианте, даже когда они употребляются с уменьшительно-ласкательными суффиксами или в полной форме. Впрочем, в конце повести «В овраге» когда Аксиныю называют по имени-отчеству «Ксения Абрамовна», К. Гарнетт оставляет ее уменьшительное имя, видимо, чтобы не смущать читателей внезапной переменной: Aksinya Abramovna (Garnett. Указ. соч.). У Пивера же мы видим “Xenia Abramovna” (Pevear, 2000: 417). В «Мужиках» обеспеченные девушки называют своего брата «Жорж», как будто по-английски. Переводчики передают его английским именем George, что сохраняет общую тональность. Также интересен пример, в котором село Жуково из «Мужиков» названо «Холуевкой». Носителю русского языка понятно, что автор подразумевает этим сравнением нечто низкое, неопрятное, бесчестное. Переводчики передали это значение словами “Slaveytown” (Гарнетт) и “Lackeyville” (Уилкс). Город N и губерния Z сохранены (вместо губернии – “province”).

Отдельное внимание мы уделили лирическим пейзажам в «Степи», о важности которых упоминали в теоретической части работы. (Примеры отдельных фрагментов можно увидеть в начале сводной таблицы в приложении 1.) Олицетворения и метафоры, которые там встречаются, были переданы переводчиками почти дословно, общий стиль был выдержан. Интересен момент, в котором Егорушка «поймал в траве скрипача... и долго слушал, как тот играл на своей скрипке» (Т 7, 23). В названии этого жука в

английском языке нет отношения к скрипке, но переводчики вышли из положения, просто упомянув, что Егорушка слушал, как этот жук играл на скрипке. Даже если жук не назван скрипачом, понятно, что когда он играет на скрипке – это значит, что он пищит или издает какие-то звуки.

В целом, перевод пейзажей доказывает, что лаконичный стиль чеховской прозы с его случайными деталями вполне переводим – сложности возникают с конкретными словами, специфической лексикой. В одних случаях у переводчиков получается найти подходящий вариант, в других они либо вставляют нейтральное по стилю слово, либо подходят к переводу творчески, опираясь на свой опыт и языковую интуицию.

У всех переводчиков встречаются несколько фактических ошибок, но их немного, и они не слишком искажают смысл. Например, в «Степи» в отрывке «...оживало, чтоб вновь зацвести» (Т 7, 16) Гарнетт пишет “revived, to fade again” (Garnett. Указ. соч.), то есть «оживало, чтобы вновь завянуть». Уилкс в «Новой даче» переводит фрагмент «В этой жизни вам тяжело – сказала Елена Ивановна – зато на том свете вы будете счастливы» (Т 10, 121) - “It’s hard for you in this life – Yelena said – but in the next you’ll be happy” (Wilks, 1986: 196). Сочетание “in the next life” может быть воспринято западными читателями, как если бы русские крестьяне верили в возрождение души после смерти в ином теле.

Кроме того, тяжело дается англоязычным переводчикам разница между перфектными и имперфектными глаголами. Например, в переводе встречается фраза “Anisim, slightly drunk, opened the door into the kitchen and said in a free-and-easy way” (Pevear, 2000: 389) – «открыл и сказал», в то время как в оригинале «отворял и говорил».

Подытоживая рассмотрение переводческих примеров, стиль Констанс Гарнетт можно назвать наиболее нейтральным, даже официальным из всех трех переводчиков. В ее переводах, в отличие от переводов Пивера и Уилкса,

персонажи употребляют полные, несокращенные формы глаголов (например, “She is a harmless woman” вместо “she’s...”). Учитывая проблемы, возникающие при передаче сниженной лексики, сокращенные формы – это возможность показать разговорную речь в английском языке, и ею нужно воспользоваться. Конечно, перевод Гарнетт представляется современному читателю устаревшим. В нем встречаются и устаревшие слова и выражения, например, “aye, aye, dearie” («и-и, касатка» - «Мужики»), “beg for alms” («просить милостыню» - «Новая дача»). Впрочем, сами произведения Чехова написаны не современным языком, поэтому в какой-то степени переводы Гарнетт остаются актуальными. Об этом свидетельствует и их частое переиздание в Великобритании (хотя большую роль также играет отсутствие копирайта на ее работы). Если не брать во внимание упомянутые проблемы, К. Гарнетт справилась со сложной лексикой и национальными реалиями. Ей удалось донести чеховский образ крестьянства до читателей.

Переводы Рональда Уилкса выделяются среди работ других переводчиков, поскольку, как мы видели в вышеприведенном анализе, он допускал больше творчества при переводе сложных фрагментов, а также часто пропускал необязательные, по его мнению, слова. В своем исследовании мы не уделяли большого внимание ритму, но в переводах Уилкса бросается в глаза дробление предложений, которые у Чехова предстают едиными. Приведем в пример отрывок из «Мужиков»: «Низко над лугом носился сонный ястреб, река была пасмурна, бродил туман кое-где, но по ту сторону на горе уже протянулась полоса света, церковь сияла, и в господском саду неистово кричали грачи» (Т 9, 286). У Уилкса: «The sun was rising and a sleepy hawk flew low over the meadows. The river looked gloomy, with patches of mist here and there. But a strip of sunlight already stretched along the hill on the fair side of the river, the church shone brightly and crows cawed furiously in the manor house garden» (Wilks, 2002: 27). Кроме того, у Уилкса часто встречается лексика более сниженная, чем в оригинале. Так, он использует слова “hangover” (в оригинале – «похмелье»), “drunkard” (в

оригинале – «кутила») , “go to hell” («чтоб их разорвало») и др. Таким образом, хотя Уилкс справился с переводом сложной лексики, образ крестьянства получился у него более мрачным, чем показано у Чехова.

Что касается переводов Ричарда Пивера и Ларисы Волохонской, наиболее современных из представленных, в них заметно стремление к максимальному приближению к оригиналу. На это направлены многочисленные транслитерации (muzhik, kasha, zemstvo), не ко всем из которых даны сноски. В целом, переводы Пивера и Волохонской точны, стиль соблюдается, где это возможно, сохранены все изобразительно-языковые средства. Например, сохраняется стилистическая окраска фраз «вся помертвела» (Т 10, 172) – “went dead all over” (Pevear, 2000: 411), «помилуйте-с... Много вами довольны-с» (Т 10, 150) – “Ah, mercy, sir... We’re much pleased with you sir” (Pevear, 2000: 389); сниженная лексика: «ишь, рожу-то раскорячило» (Т 7, 17) – “see, her mug’s all swollen” (Pevear, 2004: 8) и т. д. Можно сказать, что эти переводы выигрывают на фоне других переводчиков, поскольку лишены их главных недостатков: архаичности языка Гарнетт и излишнего словотворчества Уилкса. В произведениях проявляется оригинальный чеховский образ крестьянства.

Отдельно нужно отметить, что черты чеховского стиля были отражены в работах всех переводчиков. Сохранена так называемая кажущаяся бессобытийность чеховской прозы – любые, даже трагичные, происшествя по большей части представлены в нейтральном стиле, без лишней экспрессии. Случайные детали и события сохраняют свой характер. Например, эпизод «Саша плакала от боли и страха, а в это время гусак, переваливаясь с ноги на ногу и вытянув шею, подошел к старухе и прошипел что-то...» (Т 9, 292) у Гарнетт передан “Sasha cried with pain and terror, while the gander, waddling and stretching his neck, went up to the old woman and hissed at her...” (Garnett. указ. соч.); у Уилкса: “Sasha cried out in pain and fear, but at

that moment the gander, waddling along and craning its neck, went up to the old woman and hissed at her” (Wilks, 2002: 34).

Описание героев дается не в отрыве от действия, а в его рамках, случайные детали сохраняются. В качестве примеров можно привести Егорушку с его «кумачовой рубахой» (Т 7, 25) – “crimson shirt” (Garnett. Указ. соч.) или “red shirt” (Pevear, 2004: 17), Аксиныю с ее «накрахмаленными юбками» (Т 10, 147) – “starched petticoats” (Garnett. Указ. соч.) или “starched skirts” (Pevear, 2000: 387). Разомкнутость чеховского мира и непонимание персонажами друг друга также всячески подчеркивается переводчиками, например, отражается непонимание Родиона в «Новой даче» - “Rodion didn’t understand and just coughed into his fist” (Wilks, 1986: 196).

Как видно из приведенных примеров, чеховский стиль хорошо подходит для переводов, но важно максимально сохранять смысл оригинала. Безусловно, английский язык при этом не должен звучать неестественно – от переводчика требуется найти некую середину между отражением исходного замысла автора и нормами языка перевода. Этому принципа придерживались рассматриваемые нами переводчики помимо прочего при передаче важных фраз, в которых сформулирована позиция автора, либо отражена тема крестьянства: «Жизнь наша пропадающая, люта!» (Т 7, 84) – “Ours is a wretched cruel life!” (Garnett. Указ. соч.) и “Our life’s cruel, beyond hope!” (Pevear, 2004: 89); «крепостных теперь нету» (Т 10, 118) – “We are not serfs now!” (Garnett. Указ. соч.) и “People don’t own no serfs no more” (Wilks, 1986: 192); «хлеб твой черный, дни твои черные» (Т 10, 175) – “your bread is black, your days are black” (Garnett. Указ. соч.) и “black is your bread, black are your days” (Pevear, 2000: 414) и др.

Конечно, переводы Констанс Гарнетт и переводы других рассматриваемых нами переводчиков разделяет большой временной отрезок, поэтому воспринимаются они по-разному. Хотя в каждом из них в большей или меньшей степени передаются просторечия, эмоциональные выражения,

национальные реалии, все же тексты Пивера и Уилкса строением предложений, выбором лексики представляют собой более современный английский язык. Такая разница, с другой стороны, предоставляет читателям выбор: обратиться к произведениям, сохраняющим изначальные взгляды на творчество Чехова времен, когда он только приобретал популярность на Западе, или обратиться к работам, основанным на обширном многолетнем изучении и адаптации чеховского творчества для западных читателей.

Пожалуй, однозначного варианта для выбора среди разных переводчиков нет. Это подтверждают и отзывы читателей на англоязычных литературных сайтах, таких как www.goodreads.com, об изданиях, использованных нами при анализе. Читатели высоко оценивают переводы как Гарнетт, так и Пивера с Волохонской, и Уилкса, часто отдавая предпочтение одному переводчику лишь потому, что впервые познакомились с чеховским творчеством именно в этом переводе и успели привыкнуть к нему¹.

В целом, наше исследование показывает позитивную тенденцию в чеховедении – на Западе творчество А. П. Чехова продолжает активно изучаться, переводчики публикуют новые переводы, опираясь на уже сложившиеся переводческие традиции. Все это поддерживает интерес как к произведениям Чехова, так и к русской литературе в целом.

¹ Russian Readers Club discussion [Электронный ресурс] // Goodreads : [сайт]. [2017]. URL: <http://www.goodreads.com/topic/show/5679-what-are-some-of-the-best-translations> (дата обращения: 05.03.2017).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение мы хотим отметить, что стиль прозаических произведений Чехова и образ крестьянства, отображенный в них, вполне поддаются переводу на английский язык, что было продемонстрировано в исследовании текстов у нескольких переводчиков.

В своей работе мы обратились к исследованию факта восприятия творчества русского классика иностранными читателями, в частности, к отражению определенных национально-специфических концептов в переводах на английский язык. Объектом исследования стал сложный для восприятия переводчиками и иностранными читателями образ крестьянства, отраженный в ряде чеховских произведений.

В главе I были проанализированы характерные черты чеховского стиля середины 1880-1890-х гг. на основе работ различных исследователей чеховского творчества, а также описано изображение образа крестьянства в русской литературе второй половины XIX в. и в каждом из выбранных нами произведений.

В главе II был приведен обзор восприятия чеховского творчества в англоязычном литературном мире и истории переводов чеховских произведений на английский язык. Кроме того, были описаны результаты некоторых исследований, посвященных схожей теме, и выявлены сложности, с которыми сталкиваются переводчики при передаче образа крестьянства в чеховской прозе.

В качестве практической части нашей работы в главе III представлен сравнительный анализ оригинальных чеховских произведений и переводов у нескольких переводчиков. Переводы были изучены нами посредством сравнительно-исторического метода, также описанного в главе III. В процессе практического исследования был определен ряд сложностей,

связанных с передачей образа крестьянства, включающий национальные реалии, просторечия, этнографизмы, формы вежливости, эмоционально-экспрессивные элементы и т. д. Показаны способы, при помощи которых переводчики преодолевали данные сложности.

Переведенные тексты сравнивались как с оригиналами, так и с работами других переводчиков. Были сделаны выводы о точности некоторых выражений, их переводимости, соотнесенности с национальной культурой. Кроме того, было описано сохранение при переводе определенных черт стиля А. П. Чехова, выявленных ранее, например, кажущейся бессобытийности, иронии, случайных деталей, разомкнутости чеховского мира и др. Также на основе того, насколько переводчики придерживались чеховского стиля, как трактовали сложные для восприятия иностранцев реалии и выражения, нами были высказаны предположения о степени передачи непосредственно образа русского крестьянства.

Исследование затронуло аспект диахронии, поскольку для изучения были выбраны тексты переводчиков, которых разделяет сравнительно большой временной отрезок. Так, переводы Констанс Гарнетт рассматривались с учетом определенной архаичности языка, а также с точки зрения того, что именно они являются одними из первых переводов Чехова на английский язык, ставшими всемирно популярными. Тексты Гарнетт в нашем исследовании были в некоторой степени противопоставлены более современным переводам Рональда Уилкса, а также наиболее современным из представленных – Ричарда Пивера и Ларисы Волохонской, которые работают в переводческой сфере до сих пор.

В целом, исследование показало высокий уровень представленных переводов и их соответствие чеховским оригинальным произведениям. Безусловно, были выявлены некоторые стилистические нюансы, касающиеся непереводаемых или трудно переводимых языковых единиц, что еще раз

доказывает важность соблюдения стилистики при переводах и актуальность ее изучения.

В своем исследовании мы признали переводы Пивера и Волохонской наиболее подходящими для современного читателя, принимая во внимание их современный язык, приближенность к оригиналу и максимальное соблюдение стиля. Однако и тексты других переводчиков обладают собственными достоинствами, поэтому право выбора среди них остается за каждым читателем.

Исследование также выявило позитивную тенденцию в развитии чеховедения в англоязычных странах: проведение различных конференций и симпозиумов, публикации исследовательских работ и биографий, а также появление новых переводчиков, опирающихся в своей работе на уже сформированные переводческие традиции и на работы предшественников. Все это поддерживает на Западе интерес к творчеству А. П. Чехова и к русской литературе и культуре.

Полученные результаты могут быть использованы в общих и специальных курсах по истории литературы рубежа XIX-XX вв. или в качестве базы для дальнейших исследований, посвященных переводам, а также применены непосредственно переводчиками при переводе чеховской прозы.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. А. П. Чехов: (Проблемы жанра и стиля). Межвуз. сб. науч. тр. Ростовский н/Д. гос. пед. ин-т. Ростов н/Д, 1986. 119 с.
2. Айхенвальд Ю. И. Силуэты русских писателей. М., 1994. С. 332.
3. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет. М. : Художественная литература, 1975. С. 396.
4. Большакова А. Ю. Крестьянство в русской литературе XVIII-XX вв.: Пособие для педагогов. М. : Издательство Института социально-педагогических проблем сельской школы РАО, 2004. 420 с.
5. Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С. А. Кузнецова. СПб. : Норинт, 2000. 1536 с.
6. Веселовский А. Н. Историческая поэтика. М. : Высшая школа, 1989. 648 с.
7. Виннер Т. Чехов в Соединенных Штатах Америки / Перевод с английского Т. М. Литвиновой // Литературное наследство – Том 68: Чехов; [Гл. ред. В.В. Виноградов]. М. : Издательство АН СССР, 1960. С. 777-796.
8. Виноградов В. В. О языке художественной литературы. М. : Гослитиздат, 1959. 655 с.
9. Виноградова В. Н. Об эволюции стиля Чехова: Особенности правки // Стилистика художественной литературы / АН СССР, Институт русского языка; [Отв. ред. А. Н. Кожин]. М. : Наука, 1982. 217 с.
10. Гурвич И. А. Проза Чехова (человек и действительность). М. : Художественная литература, 1970. 183 с.
11. Додонова Н. Э. А. П. Чехов в переводах К. Гарнетт // XXII Чеховские чтения: Сб. науч. тр. / Таганрог. гос. пед. ин-т; Отв. ред.: Л. Л. Дроботова. Таганрог, 2004. 248 с.

12. Дюришин Д. Перевод как форма межлитературных связей // Сравнительное и сопоставительное литературоведение: Хрестоматия / [Сост. В. Р. Аминева и др.; Науч. ред. к. филол. н., доц. Я. Г. Сафиуллин]. Казань : ДАС, 2001. 389 с.
13. Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка: В 3 т. М. : АСТ, Астрель, Харвест, 2006. 1168 с.
14. Жирмунский В. М. Сравнительное литературоведение: Восток и Запад. Л., 1979. 495 с.
15. Зусман В. Г. Компаративистика // Сравнительное литературоведение: хрестоматия: учеб. пособие / Отв. ред. Г. И. Данилина. Тюмень : Печатник, 2010. 400 с.
16. Карасев Л. В. Понять Чехова // Знамя. М., 2015. №8. С. 198-203.
17. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 7-е. М. : Издательство ЛКИ, 2010. 264 с.
18. Катаев В. Б. Проза Чехова: проблемы интерпретации. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1979. 326 с.
19. Ле Флеминг С. Страницы о Чехове в английских исследованиях по истории и теории литературы / Перевод с английского Светланы Ле Флеминг под ред. М. А. Шерешевской // Литературное наследство – Том 100: Чехов и мировая литература. Кн. 1; [Отв. ред. Л. М. Розенблюм]. М. : «НАУКА», 1997. С. 454.
20. Левидова И. М. От Шервуда Андерсона до Джона Чивера (Чехов и американские прозаики) // Литературное наследство – Том 100: Чехов и мировая литература. Кн. 2; [Отв. ред. Л. М. Розенблюм]. М. : ИМЛИ РАН, 2005. 815 с.
21. Леденева В. В. Идиостиль (к уточнению понятия) // Филологические науки. № 5. 2001. С. 40.

- 22.Максвелл Д. Проза Чехова в США (1960 – начало 1980-х гг.) / Перевод с английского Е. Е.Палиевской // Литературное наследство – Том 100: Чехов и мировая литература. Кн. 2; [Отв. ред. Л. М. Розенблюм]. М. : ИМЛИ РАН, 2005. 815 с.
- 23.Миловидов В. А. Текст, контекст, интертекст: Введение в проблематику сравнительного литературоведения: Пособие по спецкурсу / В. А. Миловидов; М-во общ. и проф. образования Рос. Федерации, Твер. гос. ун-т. Тверь : Твер. гос. ун-т, 1998. 83 с.
- 24.Николаев П. А. и др. История русского литературоведения: Учеб. пособие для филол. спец. ун-тов и пед. ин-тов / П. А. Николаев, А. С. Курилов, А. Л. Гришунин; Под ред. П. А. Николаева М. : Высш. школа, 1980. 349 с.
- 25.Николаева В. П. Абзац, его строение, содержание и композиционно-стилистическая роль в рассказах А.П.Чехова. АКД филол. наук / Моск. гос. пед. ин-т им. В. И.Ленина. М., 1965. 21 с.
- 26.Павленко Л. Г. Чеховская поэтическая деталь в английском переводе. // XXII Чеховские чтения: Сб. науч. тр. / Таганрог. гос. пед. ин-т; Отв. ред.: Л. Л. Дроботова. Таганрог, 2004. 248 с.
- 27.Паперный З. С. Записные книжки Чехова. М. : Советский писатель, 1976. 391 с.
- 28.Паркачева В. Л. Проза А. П. Чехова 1888-1904 годов: Проблема парадоксального авторского мышления: автореферат дис. канд. социол. наук: 10.01.01/; Московский гос. ун-т. им. М. В. Ломоносова. М., 2004. 24 с.
- 29.Полоцкая Э. А. Реализм Чехова и русская литература конца XIX - начала XX в. // Развитие реализма в русской литературе: В 3 т. Т. 3. М., 1974. С. 95-96.
- 30.Поспелов Г. Н. Стиль повестей Чехова // Проблемы литературного стиля. М. : Изд-во МГУ, 1970. С. 283-307.

31. Проблемы сравнительного литературоведения: сборник статей. М.: ИМЛИ РАН, 2004. С. 23.
32. Проблемы языка и стиля А. П. Чехова: Сб. ст. / Отв. ред. М. К. Милых; Рост. гос. ун-т им. М. А. Сулова. Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1983. 158 с.
33. Пучкова Г. А. Мастерство Чехова-прозаика в оценке английских критиков и писателей начала XX века // Стиль прозы Чехова; [Отв. ред. Л. М. Цилевич]. Даугавпилс : Даугавп. пед. ун-т, 1993. С. 109.
34. Стернин И. А., Попова З. Д., Стернина М. А. Лакуны и концепты // Лакуны в языке и речи: Сборник научных трудов / Под ред. Проф. Ю. А. Сорокина, проф. Г. В. Быковой. Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2003. 257 с.
35. Стиль прозы Чехова / Редколлегия: Л. М. Цилевич (редактор), Л. С. Левитан, А. Н. Неминуший. Даугавпилс: Даугавп. пед. ун-т, 1993. 118 с.
36. Сухих И. Н. Структура и смысл: Теория литературы для всех. СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. 660 с. (Культурный код).
37. Сухих И. Н. Проблемы поэтики А. П. Чехова. Л. : Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1987. 180 с.
38. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. М. : Сов. энцикл.: ОГИЗ, 1935-1940.
39. Топер П. М. Перевод в системе сравнительного литературоведения М. : Наследие, 2001. 252 с.
40. Торговец З. В. Тема крестьянства в творчестве А. П. Чехова. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Изд-во Днепропетровского государственного университета : Кировоград, 1962. 22 с.
41. Тюпа В. И. Художественность чеховского рассказа. М. : Высш. школа, 1989. 133 с.

42. Усманов Л. Д. Поэтика рассказов и повестей Чехова 1895-1904 г.г. Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук. Ленинград, 1967. 14 с.
43. Цилевич Л. М. Сюжет чеховского рассказа. Рига, 1976. 237 с.
44. Цилевич Л. М. Стиль чеховского рассказа. Даугавпилс : Изд-во Даугавпил. пед. ун-та "Saule", 1994. 246 с.
45. Черкасский Л. Е. Русская литература на Востоке: теория и практика перевода // Сравнительное и сопоставительное литературоведение: Хрестоматия / [Сост. В.Р. Аминева и др.; Науч. ред. к.филол.н., доц. Я.Г. Сафиуллин]. Казань : ДАС, 2001. 389 с.
46. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем в 30 томах. Письма в 12 томах. Том 20(02) / Ред. тома Л. Д. Опульская. М. : «Наука», 1975. С 190.
47. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем в 30 томах. Сочинения в 18 томах. Том 07 (1888-1891) / Ред. тома Д. Д. Благой. М. : «Наука», 1985. С. 13-104.
48. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем в 30 томах. Сочинения в 18 томах. Том 09 (1894-1897) / Ред. тома А. С. Мясников. М. : «Наука», 1977. С. 281-312.
49. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем в 30 томах. Сочинения в 18 томах. Том 10 (1896-1903) / Ред. тома Н. И. Соколов. М. : «Наука», 1986. С. 114-180.
50. Чудаков А. П. Мир Чехова: Возникновение и утверждение. М. : Советский писатель, 1986. 384 с.
51. Чудаков А. П. Поэтика Чехова / Акад. наук СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М. : Наука, 1971. 291 с.
52. Шерешевская М. А. Английские писатели и критики о Чехове // Литературное наследство – Том 68: Чехов; [Гл. ред. В. В. Виноградов]. М. : Издательство АН СССР, 1960. С. 801.

53. Шерешевская М. А. Переводы (Раздел «Чехов в Англии») // Литературное наследство – Том 100: Чехов и мировая литература. Кн. 1; [Отв. ред. Л. М. Розенблюм]. М. : «НАУКА», 1997. С. 369
54. Шерешевская М. А., Литаврина М. Г. Чехов в английской критике и литературоведении // Литературное наследство – Том 100: Чехов и мировая литература. Кн. 1; [Отв. ред. Л. М. Розенблюм]. М. : «НАУКА», 1997. с. 406
55. Язык и стиль А. П. Чехова / Отв. ред. Баскакова Л. В.; Рост. гос. ун-т им. М. А. Сулова. Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1986. 121 с.
56. Языковое мастерство А. П. Чехова / Отв. ред. Л. В. Баскакова; Рост. гос. ун-т им. М. А. Сулова. Ростов: Изд-во Рост. ун-та, 1988. 136 с.
57. Stories / by Anton Chekhov ; translated by Richard Pevear and Larissa Volokhonsky. New York [etc.] : Bantam Books, 2000. 383-420 p.
58. Stories : короткие рассказы / Anton Chekhov; Transl. from the Russ. I. Livinov. М. : Raduga publ., 1999. P. 151.
59. The complete short novels / Anton Chekhov ; transl. from the Russian by Richard Pevear, Larissa Volokhonsky ; with an introd. by Richard Pevear. New York : Vintage Books, 2004. 3-113 p.
60. The fiancee : and other stories / A. Chekhov ; transl., author of introduction R. Wilks. London : Penguin Books, 1986. 189-203 p.
61. The lady with the little dog and other stories / Anton Chekhov ; translated with notes by Ronald Wilks ; with an introduction by Paul Debreczeny. London : Penguin Books, 2002. 22-56 p.
62. Translating Chekhov's Prose // Chekhov the immigrant: translating a cultural icon : [based on the papers presented at a 2004 NEH-funded symposium marking the hundredth anniversary of Chekhov's death] / ed. by Michael C. Finke & Julie de Sherbinin. Bloomington (Ind.) : Slavica, 2007.

- 63.201 Stories by Anton Chekhov ; translated by Constance Garnett [Электронный ресурс]. URL: <http://www.eldritchpress.org/ac/jr/> (дата обращения: 10.04.2017).
64. Cambridge Dictionary [Электронный ресурс]. URL: dictionary.cambridge.org (дата обращения: 10.04.2017).
65. Margaret Mitchell. Gone with the wind [Электронный ресурс]. URL: <http://www.wenovel.com/book/802.html> (дата обращения: 17.04.2017).
66. Oxford Living Dictionaries [Электронный ресурс]. URL: en.oxforddictionaries.com (дата обращения: 10.04.2017).
67. Remnick, David. The Translation Wars [Электронный ресурс] // The New Yorker : [сайт]. URL: <http://www.newyorker.com/magazine/2005/11/07/the-translation-wars> (дата обращения: 20.04.2017).
68. Russian Readers Club discussion [Электронный ресурс] // Goodreads : [сайт]. URL: <http://www.goodreads.com/topic/show/5679-what-are-some-of-the-best-translations> (дата обращения: 05.03.2017).

Приложение 1. Переводческие примеры из произведения «Степь»

Слово/фраза в оригинале	Перевод Констанс Гарнетт	Перевод Ричарда Пивера
Степь	The Steppe	The Steppe
бричка	chaise	britzka
Теснясь и выглядывая друг из-за друга, эти холмы сливаются в возвышенность...	Huddling together and peeping out from behind one another, these hills melted together into rising ground	Crowding and peeking from behind each other, these hills merge into an elevation
Полоса света, подкравшись сзади, шмыгнула за бричку и лошадей	the streak of light, stealing up from behind, darted between the chaise and the horses	a strip of light, sneaking up from behind, darted across the britzka and the horses
бурьян	the coarse steppe grass	tall weeds
омытое росой и обласканное солнцем, оживало, чтоб вновь зацвести	now washed by the dew and caressed by the sun, revived, to fade again	now washed by the dew and caressed by the sun - were reviving to flower again
тppp	"trrrr!"	“trrr”
Как душно и уныло!	How stifling and oppressive it was!	How stifling and dismal!
пухлая	fatty	pudgy
ишь, рожу-то раскорячило	What a swollen lump of a face	see, her mug’s all swollen
На холме хлеб уже скошен и убран в копны	On the hills the corn was already cut and laid up in sheaves	On the hill the grain has already been cut and gathered into sacks
бог даст	please God	God willing
Никак нет... Приказчик ихний проезжали	He did not; his clerk came. . . .	No, sir... His agent passed by, that’s a fact
горячие лучи и раскаленная почва, жадно выпивая ее, отнимали у нее силу	the burning sunbeams and the parched soil greedily drank it up and sucked away its strength	the hot rays and scorching soil drank it up greedily, diminishing its strength
поймал в траве скрипача... и долго слушал, как тот играл на своей скрипке	Yegorushka caught a grasshopper in the grass... spent a long time listening to the creature playing on its instrument	Egorushka caught a Capricorn beetle in the grass... and listened to it playing its fiddle for a long time
кумачовая рубаха	crimson shirt	red shirt
заунывная песня	melancholy song	mournful song

Анафема идолова, нет на тебя погибели!	Plague take you, cursed idolater!	Heathenish anathema, the plague's too good for you!
Степь, холмы и воздух не выдержали гнета и, истощивши терпение, измучившись, попытались сбросить с себя иго	the hills and the air could bear the oppression no longer, and, driven out of all patience, exhausted, tried to fling off the yoke	the steppe, the hills, and the air could bear no more oppression, and, worn out, their patience exhausted, they attempted to throw off the yoke
стоячий воздух	stagnant air	stagnant air
вспорхнул стрепет	A bustard flew up	a kestrel took flight
мглы как не бывало	The mist seems to have passed away	It is as if the dusk had never been.
необъятная глубина и безграничность неба	the unfathomable depth and infinity of the sky	the boundless depth and infinity of the sky
Оно страшно, красиво и ласково, глядит точно и манит к себе	It is terribly lonely and caressing; it looks down languid and alluring	It is frightening, beautiful, and caressing, it looks at you languorously and beckons
покатые плечи	sloping shoulders	extremely sloping shoulders
с плоской, как доска, спиной	a back as flat as a board	back flat as a board
монашеская скуфейка	a monk's peaked cap	a monk's skullcap
короткая хохлацкая чумарка	a short Little Russian coat	a short Ukrainian caftan
шаровары навыпуск	dark blue trousers	dark blue balloon trousers
Ну, помогай царица небесная	Well, may the Queen of Heaven help you	Well, may the Queen of Heaven help you
Помирать-то	Dying is, too	To die, yes...
парнишка ничего	a nice good little lad	an all right lad
Дай бог здоровья	God give them help	God grant them health
славные господа	nice gentlemen	nice masters
стало быть	I suppose	
мещане	artisans	tradesmen
мужиком остался	I have remained a peasant.	I stayed a peasant
Нет пуще лиха, как наглая смерть	There is no worse evil than an impenitent death	There is no greater evil than an impenitent death
бесу радость	a joy to the devil	the devil's joy

русый	flaxen-headed	blond
каторжный	jail-bird	jailbird
проклятый ты	you damned brute	curse you
лицо как будто тусклое	looked somehow dingy too	as if lackluster
серчать	angry	angry
ради воскресенья, праздничка господня	for Sunday, God's holy day!	for the sake of Sunday, the Lord's feast day
вольготней	is easier	freer
паничек	a little gentleman	a young master
Какой извозчик важный!	What a grand driver	What a grand coachman!
обоз	the waggons	train
колодец с журавлем	a well with a crane	a well with a sweep
братцы	lads	brothers
с расстегнутой на груди рубахой	with his shirt opened on his chest	with the shirt unbuttoned on his chest
подбочениваться	put his arms akimbo	set his arms akimbo
лампадный стаканчик	glass of an ikon lamp	ikon-lamp glass
дед	Grandfather	Grandpa
Голубушка моя, матушка- красавица	You darling, you beauty!	My dear little heart, my sweet little beauty
«драли» раков	were hunting crayfish	“snatching” crayfish
озорник	bully, impudent fellow	prankster
ге-ге-гей	Ha-ha-ha!	Hey, hey, hey
должно, тут много рыбы	there must be a lot of fish here	There must be lots of fish here
побеги на деревню	run to the village	run to the village
мужики	peasants	muzhiks
бредень	a net	a net
странники	pilgrims	wanderers
глыбоко	It's deep	It's too deep
хрипел	croaked	said hoarsely
не дергай, черт	Don't tug, you devil	Don't pull, you devil

пугаете, дурни	You are only frightening the fish, you stupids!	You're just frightening the fish, you fools!
подводы	the waggons	the wagons
выстрижен под скобку	had been cropped in a straight line	cut square
иконостас	the ikon-stand	iconostasis
просфора	the holy bread	prosphora
на копейку	a farthing's worth	a kopeck's worth
вяземские пряники	little cakes	gingerbreads
Хиба це овес? Це не овес, а полова, курам на смих... Ни, пиду к Бондаренку	Do you call those oats?" "Those are not oats, but chaff. It's a mockery to give that to the hens; enough to make the hens laugh. . . . No, I will go to Bondarenko	You call that oats? That's not oats, it's chaff, it'd make a chicken grin... No, I'll go to Bondarenko!
самодовольно крякнул	gave a self-satisfied grunt	grunted with self-satisfaction
каша	grain	kasha
чай, небось, тоже хочет	I dare say he is hungry too!	I s'pose he must be hungry, too
наша еда мужицкая	Ours is peasant fare	Ours is peasant fare
во здравие пойдет	fare is welcome	may be all to your health
мамаша	mother	mother
зажиточный мужик	a well-to-do peasant	a well-to-do peasant
нехристь	heathen	heathen
нешто можно в шапке есть	You can't eat with your cap on	You don't eat with your cap on
а еще тоже барин	and you a gentleman too!	Some master you are!
Ох, господи твоя воля, владычица	O Lord, Thy will be done. Holy Mother. . .	Oh, Lord, as Thou wilt, Holy Mother
не слышать	I haven't heard say	nobody hears
Так от бога положено	So it is ordained of God	That's set up by God
под Крещение	on the night of Epiphany	on the eve of the Baptism
недалече	not far from here	nearby

чистить их косами	let fly at them with their scythes	cleaning them up with their scythes
рублей сто	a hundred roubles	a hundred roubles
в нем души нет, помер	there was no life in him and he was dead	there was no soul in him, he was dead
зги не видать	I couldn't see anything	You couldn't see a thing
акромя	besides	besides
наставил меня бог на ум	the Lord put the thought into my mind	God put reason into me
тарантас	chaise	tarantass
православные	Good Christian people	Good Orthodox people
душу загубить	do not let a Christian soul perish	do'nt let a Christian soul perish
три сотенных	three hundred roubles	three hundred roubles
пять лобанчиков	five gold pieces	a fiver
имя мое в поминанье записал	put my name down	wrote down my name to be prayed for
да и шабаш	a queer feeling, that was just it	Senses it, that's all
лихо	evil	an evil thing
ихняя стряпуха	their cook	their cook
дело не совсем чисто	Things aren't quite right	There's dirty business afoot
подобру-поздорову	to save our skins,	run for all you're worth
подальше от греха	let us get away from trouble	out of harm's way
мать царица	Holy Mother	Mother of God
ка-ак стукнет	someone seemed to tap at the window	suddenly knocked so-o-o hard
угодник божий или ангел	a holy saint or angel	a saint or an angel
потому акромя некому	for there was no one else	Because there was nobody else
принимал за чистую монету	took it all for the genuine thing	took everything at face value
он старой веры	He is an Old Believer	He is an Old Believer
хохол	Little Russian	Ukrainian

хлеб да соль, братцы	Bread and salt, friends!	Good health to you all!
милости просим	You are very welcome!	We bid you welcome!
что-то шальное	something nonsensical	something loony
Петрова дня	St. Peter's Day	Saint Peter's
без году неделя	such a little while	it's no time at all
бедовая	a tricky one	a spirited one
накажи меня бог	God strike me dead!	God punish me!
такая хорошая да славная	a fine, splendid girl	so good, so nice
чистый порох	full of life and fire	sheer gunpowder
голова ходором ходит	your brain is in a whirl	my head goes spinning round
полюбил до смерти	I fell madly in love with her	fell mortally in love
хоть на шибеницу полезай	was ready to hang myself	could have hanged myself
засылатъ сватов	sent match-makers to her	send matchmakers
Ах ты, сорока!	Ah, the magpie!	Ah, you magpie!
знахарка	witch	a wise woman
будь ты трижды анафема	Damn my soul!	three times anathema on you
на Святой	At Easter	During Holy week
парубки	lads	boys
томительное счастье	fervent happiness	languorous happiness
томился и скучал	he was weighed down by depression and yearning	he felt languid and bored
Наша матушка Расия всему свету га-ла-ва!	"Our Mother Russia is the head of all the world!"	"Our beloved Mother Russia is the head of all the wo-o-rld!"
петухи еще не поют	The cocks are not crowing yet	The cocks haven't crowed yet
тары-бары-растабары	gallivanting	gibble-gabble
Природа как будто что-то предчувствовала и томилась	Nature seemed as though languid and weighed down by some foreboding.	It was as if nature anticipated something and languished.
певчий	church-singer	choir singer
мазепа	Mazeppa	mazepa
скажи пожалуйста	Say this too, please	Well, there's a nice how-do-you-do!

Жизнь наша пропадающая, лютая	Ours is a wretched cruel life!	Our life's cruel, beyond hope!
Свят, свят, свят	Holy, holy, holy	Holy, holy, holy
дурачок	silly little thing	you little fool
гроза хорошая, ничего	a good storm, all right	a good storm, all right
кушай, батюшка	Have some, my dear	Eat, laddie!
Господи Иисусе Христе	Lord Jesus Christ!	Suffering Jesus
неровен час	in an unlucky hour	worse luck
страсти господни	The terror of the Lord!	Suffering Jesus
маленько	a bit	awhile

Приложение 2. Переводческие примеры из произведения «Мужики»

Слово/фраза в оригинале	Перевод Констанс Гарнетт	Перевод Рональда Уилкса
Мужики	Peasants	Peasants
дома стены помогают	the walls of home are a help	there is no place like home
изба	hut	hut
темную от копоти и мух	black with soot and flies	black with soot and flies
печь покосилась	The stove was on one side	It was tilting to one side
Бедность, бедность!	The poverty, the poverty!	That was <i>real</i> poverty!
Так. Побили.	Oh, she was beaten	They beat her
Раздолье, господи!	What space, oh Lord!	Heavens, so much open space!
ударили ко всенощной	the bell began ringing for service	the bells rang for evensong
об эту пору	At this time	now
тощие, сгорбленные, беззубые	gaunt, bent, toothless	skinny, hunchbacked, toothless
Мужик бы ничего, да заливаает шибко	He is not a bad peasant, but too fond of his glass.	Not a bad sort, but he can't half knock it back
мужики наши горькие	Our men are a grievous lot	Our men are a lousy lot of drunkards
не в дом несут, а из дому	they bring nothing into the house, but take plenty out	they don't bring their money back home
нужда	poverty	how they had no money
легок на помине	Speak of the devil.	Talk of the devil
А ты чего, холера	What are you howling for, you plague?	And what's the matter with you, you silly cow?
Небось, не убьет!	He won't kill you, no fear!	I don't suppose he's going to kill you
бил ее без пощады	beat her mercilessly	beat her mercilessly
Вступитесь Христа ради, родименькие	Protect me, for Christ's sake, good people!	Please, help me, for Christ's sake, my own dear ones
Экой срам-то	What a disgrace!	Should be ashamed of yourself, bloody ashamed
Грех какой!	It's a sin!	A damned disgrace
образ	image	icon

из Москвы, значит, первопрестольный	from Moscow, I suppose. The great capital Moscow, to be sure, the mother of cities...	from Moscow, the great capital, that is, Moscow, mother of cities
И-и, касатка	Aye, aye, dearie	well, dear
сорок сороков	forty times forty	scores and scores of them
раздолье	wide view	wide-open spaces
старик ничего	The old man is all right	The old man's all right
бабка	Granny	Granny
дерется все	is continually nagging	she's always on the warpath
серчать	angry	that put her in a right temper
терпи и все тут	Bear it in patience, that is all	You just have to grin and bear it
Сказано: придите все труждающие и обремененные	It is written: 'Come unto Me, all ye that labour and are heavy laden	As it says in the Bible: 'Come unto Me, all ye that labour and are heavy laden
барский двор	the manor yard	the manor house
Озорная – страсть!	Shameless -- dreadfully!	a real tart – something wicked
чернобровая	with her black eyebrows	who had black eyebrows
голавли	mullets	chub
ужасная, безысходная нужда	horrible, hopeless poverty	terrible, never-ending poverty
к обедне заблаговестили	began ringing for mass	the bells for evening service ring
в крепостное право	from the days of serfdom	going back to the days of serfdom
денно и ночью	day and night	night and day
через него стал хорошим человеком	it is owing to him I have become a good man	It was through him I became a good man
батюшка ты мой	My good soul!	my dear friend
голубчик	poor dear	-
Отошедшим же им, се ангел господень...	And the angel of the Lord	-//-
самовар	samovar	samovar
дряблая и тощая	gaunt and scraggy	withered and stunted

обзывала его то лежебокой, то холерой	reviling him as a lazy-bones and a plague	called him "lazy devil" or "damned nuisance"
неосновательный мужик	not a responsible peasant	frivolous
такой-сякой	you ruffian	you devil
меня по уху	takes me by the ear	and he gives one on the ear
Ах ты, боже мой!	Ah, my God!	Oh God!
Христа ради	For Christ's sake	For Christ's sake
сам не рад	I'm not happy myself	I'm so ashamed
водили хоровод	got up a choral dance	dancing in a ring
гармоника	concertina	accordion
брань	swearing	swearing
баба смирная	She is a harmless woman	She doesn't do any harm
баба ничего	She is not a bad woman	She's not a bad woman
Лю-эблю я цветы полевые-и! Л ю - э б л ю п о л у г а м собирать!	"I lo-ove the flowers of the field. I lo-ove to gather them in the meadows!"	"I lo-ove the flowers that bloom in the fields, oh! Oh, I do lo-ove to pick the flowers!"
капусту потолкли	have trampled all the cabbages	you had to tread all over my cabbages
окаянные	the damned brutes	you buggers
чтоб вам переколеть	I'd cut your throats	blast you
трижды анафемы, язвы	thrice accursed plagues	May you be damned three times and rot in hell
нет на вас погибели	Bad luck to you!	-
Батюшки мои! Царица небесная!	Holy Saints! Queen of Heaven!	Good God! Holy Virgin!
с пронзительным криком и бранью вошла бабка	Granny walked in with a storm of shrill cries and abuse	Granny started shrieking and cursing
крик, голод, угар, смрад	hubbub, hunger, stifling fumes, filth	the never-ending shouting, hunger, fumes from the stove and terrible stench
не имеете никакого полного права	You have no right to beat her!	you've no right at all

принесла вас сюда нелегкая, дармоедов	The devil brought you all on us, eating us out of house and home	What the hell's brought you lot here, you parasites!
силы моей нет	It's more than I can bear.	All my strength has gone
ради Христа небесного	For God's sake	For God's sake
в Успенъев пост	the Fast of the Assumption	the Fast of the Assumption
оскоромиться	had broken her fast	she had eaten forbidden food during Lent
нечистый дух с рогами	the Evil One, with horns like a cow's	an evil spirit dressed all in black, with the horns of a cow
православные	good Christian folk	you good Christians
п о с л у ч а ю т а к о г о несчастного происшествия	in such a terrible mischance!	on the <i>occasion of such an unhappy event</i>
кума	old girl	-
изба заштрафована	The hut is insured	The hut's insured
царство небесное	God rest his soul	God rest his soul
голосили, как по покойнике	sat wailing as though at a funeral	seemed to be wailing for the dead
Жорж	George	Georges
барин	sir	-
точно так	Yes, miss.	Oh yes.
московская-с	a Moscow girl	from Moscow as well, miss
ваше высокоблагородие, господа хорошие	your honour, kind gentlefolks	sir and you ladies, you're good people
крякнув	clearing his throat	sighed
поплелся	slouched home	slunk off home
Чтоб их разорвало!	Plague take them!	They can damned well go to hell!
барыни какие	The fine ladies!	Real ladies!
Гляди-кось, не раздуло бы вас	You better look out that you don't burst with your tea-drinking	Careful you don't burst with all that liquid inside you
толстомяся	you lump of flesh!	you fat cow
Ах, батюшки	holy Saints!	Oh, God

При господах лучше было	Things were better in the old days under the gentry	We were better off as serfs
Всякий себя помнил.	Everyone minded what he was about	everyone knew his place
кутила и развратник	profligate and a rake	drunkard and a rake
озорники	ruffians	beasts
Это ты, гладкая?	Is that you, you sleek one?	Is that you, my beauty?
чтоб тебя	Fie upon you	want a nice flogging
полунощница	nightwalker	little nightbird
ничего, ничего	It's all right, it's all right	It's all right, it's all right
Сто-ой!	Stea-dy!	Ooh, keep still
Нет, воля лучше!	No, freedom is better	No, freedom is best
становой пристав	the police inspector	the local police inspector
недоимки, казенная и земская	arrears of rates and taxes	arrears with their taxes and rates
он «выкушал» два стакана чаю	He drank there two glasses of tea	he “imbided”
оброчная книжка	tax book	rent book
тужурка	tunic	double-breasted jacket
перед Святой	Before Easter	Before Easter
рубель	rouble	rouble
ни копейки	not paid a kopeck	not one copeck since
Мочи моей нету!	I can't do it.	But I just can't!
окаянный	damn you!	blast you!
староста	the elder	the elder
Понуро	with bowed head	his head downcast
(дети) возились на полу	were scrambling about the floor;	were playing noisily on the floor
несчастливая, убогая семья	poor, unlucky family	wretched, miserable family
яви божескую милость, Христа ради	show the Divine mercy, for Christ's sake!	have pity on us, for Christ's sake!
земство	The Zemstvo	The local council
говеть	sacrament	sacrament

говорили ей и Саше «вы»	they all addressed her and Sasha as though they were superior to themselves	spoke to her and Sasha very politely
Воздвиженье	Ascension	Ascension
Покров	Feast of the Intercession	Feast of the Intercession
в этой «Холуевке»	in this "Slaveytown,"	or "Lackeyville"
Живоносная	the Holy Mother, the giver of life	icon of the Life-giving Virgin
водка	vodka	vodka
Заступница, матушка	Defender! Mother!	Our Protector, holy Mother!
богатые мужики	well-to-do peasants	rich peasants
старик	The old father	the old man
приобщать и соборовать	received the sacrament and extreme unction	receive the last sacrament and extreme unction
о желваках, которые ходят в животе	tumours which move in the stomach	tumours that began in stomach
знахари	the wise men	quacks
выкрест	a converted Jew	Jewish convert to Christianity
поставить банки	cupping	cupping glasses
трескучие морозы	a sharp frost	the frosts never relented in their severity
лапти	shoes of plaited bark	bast shoes
хуже скотов	worse than the beasts	worse than cattle
трактир, кабак	tavern	pubs
говорит «ты»	address as inferiors	treats peasants like tramps
идти было в охотку	Walking was pleasant.	It was very pleasant walking
что милость ваша	that God's blessing may be upon you	your kindness
царство небесное	the Heavenly Kingdom	the kingdom of heaven

Приложение 3. Переводческие примеры из произведения «Новая дача»

Слово/фраза в оригинале	Перевод Констанс Гарнетт	Перевод Рональда Уилкса
Новая дача	The New Villa	The New Villa
дрожки	droshky	droshky
босяки	navvies	navvies
просить милостыню	beg for alms	beg for money
дон... дон... дон	don-don-don	-
двадцать десятин земли	sixty acres of land	fifty acres
фонтанчик	a little fountain	a fountain
чистые лебеди	Perfect swans!	just like swans
такие же будут гладкие	they will be just as sleek	they'd be just as sleek
господа	employers	his master and mistress
барыня	mistress	mistress
в гувернантках	as a governess	as a governess
То-оже помещики	Landowners, too-oo!	Proper lords of the manor
кучериха	The Kutcherov lady	mrs Kucherov
поклонилась в землю	bowed down to the ground	bowed down to the ground
Ладно, пускай!	All right, let 'em!	Let 'em try!
Акт составить!	Draw up a statement	Make out a charge
Крепостных теперь нету!	We are not serfs now!	People don't own no serfs no more
Братцы, православные!	Brothers, good Christians	yes lads
староста	elder	elder
кабак	tavern	pub
долго там гуляли	there had a long carousal	They spent a long time making merry there
осерчать	angry	mad
барин	gentleman	squire
тягайся потом	there will be trouble	he'll habe 'e, up in court
кумачовая рубаха	red cotton shirt	red calico shirt
по дороге того	On the road	hm
гривенник	ten kopecks	ten copecks

ирод собачий	you currish Herod	you filthy dog
сатана бесхвостая	you tailless Satan	you tailless devil
Глаза бы мои не тебя не глядели!	I wish I had never set eyes on you	I wish I'd never set eyes on you
бабы и девушки	peasant women and girls	women and girls
Известно, живем.	To be sure we get along	We get by, of course
Какая наша жизнь!	The life we lead!	It's a dreadful life we lead
голубушка	dear lady	dear
и-их, как замучились!	Oh, oh, we are worried to death	It's a wretched life, lady
конца-краю не видать	you see no end to it	we have to keep slaving away
нищий-разнищий	the beggar of beggars	a pauper
худой мир лучше доброй ссоры	a bad peace is better than a good quarrel	a rotten peace is better than a good war
Оно, конечно, благодарим покорно	Of course we thank you humbly	We thank you from the bottom of our hearts, of course we do
барыня	lady	lady
богатый мужик	rich peasant	rich villager
оробеть	intimidated	quailed
народ смирный	Our folks are peaceable	we're honest, law-abiding folk here
как перед истинным тебе говорю	it's God's truth I'm telling you	I swear it
на поденную	employing as a labourer	no more day-labourers were taken on
я ему в ноги поклониться	fall down at his feet	I felt like falling at his feet
сробеть	hadn't the courage	too shy
Дай бог здоровья	God give him health	May God grant him good health
Пошли, царица небесная	Holy Mother, bless them	May the Holy Mother send Her blessing
Воздвижение	The Feast of the Exaltation of the Cross	The Feast of the Exaltation of the Cross

Ваше высокоблагородие, барин	Your honour	Squire
явите божескую милость, вступитесь	Show the Divine mercy, protect me	Please be kind to me, help me
земский, становой	the rural captain or the police officer	council or district police officer
«Дубинушки»	"Dubinushka"	songs

Приложение 4. Переводческие примеры из произведения «В овраге»

Слово/фраза в оригинале	Перевод Констанс Гарнетт	Перевод Ричарда Пивера
В овраге	In the Ravine	In the Ravine
дьячок	deacon	verger
на поминках	at the dinner at the funeral	at the memorial dinner
окоченел от наслаждения	petrified with enjoyment	as if frozen with pleasure
топкая грязь	boggy mud	swampy mud
епифанский мещанин	a shopkeeper from Epifan	a tradesman from Epifanyevo
бакалейная лавочка	grocer's shop	a grocery store
тридцать копеек	thirty kopecks	thirty kopecks
подобрав свои юбки	picking up her skirts	with her skirts held up
Ай да красавица, матушка	You are a smart wench!	There is a beauty
девушка видная	comely	watched her merrily
лампадки	The lamps gleamed before the ikons	the icon lamps
богомолки	пропущено	pilgrims
две осьмушки чаю	four ounces of tea	two packets of tea
не сомневайся	don't hesitate	don't think twice
мамаша	mother	mother
заговенье	Carnival	on the eve of a fast
престольный праздник	the church festival	a major feast
самовар	samovar	samovar
беговые дрожки	racing droshky	light droshky
молодцевато	jauntily	dashingly
картуз	cap	visored cap
Бог даст	God will provide	God will provide
Волостной старшина	The elder of the rural district	the local headman
шурша накрахмаленными юбками	rustling her starched petticoats	her starched skirts rustling
разодетая	in a low-necked dress	all dressed up
гармоника	concertina	accordion
на душе тревожно	a thrill of delight to the heart	disturb and delight the heart

Уклеево уже не казалось ямой	Ukleevo no longer seemed a wretched hole	Ukleyevo would no longer seem like a hole.
папаша и мамаша	papa and mamma	mama and papa
для удовлетворения вашей физической потребности	for the satisfaction of your physical needs	for the satisfaction of your physical needs
по ученой части	he has gone in for an intellectual line	he got into the learned line
Кто к чему приставлен	Every man to his own job!	Each to his own place
батюшки	my friends	dear hearts
этих-тех	tut, tut	why
ох-тех-те	tut, tut, tut	oh, tush, tush...
По-каковски это?	What is the meaning of it?	What sort of thing is that?
Грех один с вами	it's the same trouble with all you	there's nothing but sin with you
Я тоже не кривой	I am not a fright myself	Well, and I'm not so lopsided myself
смотрины	a visit of inspection	a showing
и мы без внимания	we don't think much of that	but we don't mind
поденщица	the work-woman	the day laborer
образ	ikons	icon
мамаша драгоценная	precious mamma	precious mother
...помилюйте-с... Много вами довольны-с	Oh, not at all. . . . It's very kind of you.	Ah, mercy, sir... We're much pleased with you sir.
две сестры-хлыстовки	sisters, belonging to the Flagellant sect	sisters, who belonged to the Flagellants
обновы	new clothes for the wedding	new dresses
калоши	goloshes	galoshes
Нешто мужик понимает соус!	As though a peasant would understand sauce	What does a peasant know about sauce!
по шести гривен	sixty kopecks	sixty kopecks
и все врет	And he is making it all up	And it's all a pack of lies
певчие	choir, singers	choir
милая мамка	mamma	mummy dear

касатка	darling	-
величать	sing songs of congratulation	chant praises
молодые	young couple	young couple
выписанная из города	ordered expressly from the town	especially invited
донское шипучее	Foaming Don wine	Sparkling Don wine
по-божески	in God's way	lead a godly life
царица небесная	the Heavenly Mother	the Queen of Heaven
деточки	Little children	little ones
Аксиньюшка-матушка	Aksinya my dear	Aksinyushka dear
топорики мои любезные	my dear little axes	my gentle little hatches
английская горькая	bitters	English bitters
тетка	aunt	her aunt
человек специальный	A peculiar man	a special man
тетенька	auntie	auntie
Насосались нашей крови, ироды, нет на вас погибели!	They have sucked the blood out of us, the Herods; a pest on them!	You've sucked enough of our blood, you Herods, a plague upon you!
плясать русскую	to dance the Russian dance	to dance a Russian dance
Сам вышел! Сам!	<i>He's going to dance! He himself!</i>	<i>Himself</i> stepped out! <i>Himself!</i>
Перебирал каблучками	kicked up his heels	shifted from one heel to the other
молодчина	Well done	good boy
Так, старайся! Значит, еще можешь заниматься!	That's right, do your best! You can still play your part!	Keep it up! So you can still go to it!
Ладан	incense	incense
кто к чему приставлен	Every man to his job	Each to his own place
У бога суд праведный	God's judgment is just	God's judgment is righteous
старшина	The elder	headman
писарь	clerk	clerk
не поминайте лихом	don't remember evil against me	think no evil of me

надутые оба	giving each other sulky looks	look at each other and pout
богомолье	service	pilgrimage
варенье	jam	preserve
чувствительное	full of feeling	touching
И-и, как страшно!	Oh, oh, how frightened I am!	It's so scary!
ничего, не обижали	Anisim Grigoritch did nothing, he didn't ill-treat me	he was all right, he never hurt me
зубами заскриготела	gritted her teeth	ground her teeth
дяденька	uncle	uncle
подрядчик	contractor	contractor
как люди	like anyone else	like other people
Костыль! Старый хрен!	Crutch! The old horseradish.	Crutch! The old coot.
мрачный, дикий цвет	gloomy ashen grey	gloomy, savage color
страда	harvest-time	harvest time
непокойно на душе	anxious at heart	uneasy at heart
картуз	cap	visored cap
придушенным, сиплым голосом	in a smothered husky voice	in a hoarse, muffled voice
Стал уж я трухлявый	I am like a bit of rotten timber nowadays	I've gone crumbly
чай, наврал	told a lie, I expect	lied, I expect
взаправду	really	it's a fact
Чего бы не вышло	Harm might come of it	or something may happen
робко жалась	huddled timidly	huddled timidly
в сенях	in the outer room	in the front hall
улыбалась просительно	with a deprecating smile	smiled entreatingly
высылали чаю и сахару	tea and sugar were sent out to her	had tea and sugar sent out to her
озорная ты баба	you wicked woman	mischievous woman
маменька	mother	mama
Так уж не нами положено	It was not us who ordained it	It's not we who set it up that way

похлопотать-те некому	There was no one to see about things	There's nobody, nobody to intervene properly for us
И на кого ты нас покинул	There is no one to care for us now you have gone	Why have you abandoned us
соколик ясный	our bright falcon	our bright falcon
все под богом ходим	we are all in God's hands	we all walk before God
Дай бог	please God	God grant it
Я... не хамка какая	I am not a slave	not some kind of slut
по ночам шмыгать за водкой	scurrying out at night for vodka	sneaking out at night to get vodka
каторжанка с ее чертенком	convict's wife and her imp	convict's wife with her little devil
ироды окаянные	you damned Herods	you cursed Herods
Ой, батюшки	Oh, Holy Saints!	Ah, saints alive
провались вы	Let me alone!	perish the lot of you
шайка	gang	gang
Ну, ба-а-ба!	Wha-at a woman!	Well, some wo-o-oman!
Расходилась – страсть	She's going it -- something like!	Got herself going – something awful!
помертвела	went numb all over	went dead all over
перекликались лягушки «И ты такова! И ты такова!»	frogs called angrily to one another: "That's what you are! That's what you are! "	straining frogs called to each other, "You're such a one! You're such a one!"
Бог в помощь!	God help you	God be with you
собачка не порвет	dog does not bite	dog won't bite
дедушка	grandfather	grandpa
Божья воля	It's God's will	It's God's will
парень тихий	young man is so gentle	the lad's quiet
далече	far	far
Господи батюшка, царица небесная	Holy Father, Queen of Heaven!	Lord God, Queen of Heaven!
Велика матушка Россия!	Great is mother Russia	Mother Russia is vast
сосу корку	gnawing a crust	sucking on a crust

царство ему небесное	the kingdom of heaven be his if he is dead	if he's dead, God rest his soul
хлеб твой черный, дни твои черные	your bread is black, your days are black	black is your bread, black are your days
девять дён	Nine days	Nine days
Таковых есть царствие небесное	For of such is the kingdom of heaven.	of such is the Kingdom of heaven.
голосишь	bellowing for	howling for
пошла вон со двора	Go out of the yard	Get out
понятное дело	it is only natural	it's an understandable thing
веселенькая герань	gay geraniums	cheerful geraniums
П о к о р н е й ш е п р о ш у садиться	I humbly beg you to be seated	I humbly beg you to be seated
Ксения Абрамовна	Aksinya Abramovna	Xenia Abramovna
щеголь	foppish	fop
мне тяжко	I am wretched	it's hard for me
ради Христа	for Christ's sake	for Christ's sake
подумаешь! Я-аз-ва!	to be sure! A pla-ague!	a pla-a-ague
дурак-дураком, что гусь	a regular fool, just like a goose	a fool of fools, the same as a goose
бабы и девки	Peasant women and girls	women and girls
голубчик	darling	dear heart